

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ *.

Со времени революционной борьбы мартовских дней прошло немногим более полувека. Небольшой это промежуток в жизни общества, — а между тем, целый мир отделяет нас от той эпохи. Могучий переворот, совершившийся с тех пор, иллюстрируется всего рельефнее, может быть, отношением славян к революции.

В 1848 г. славяне, за очень немногими исключениями, составляли еще «одну реакционную массу». Если оставить в стороне мелкую шляхту и интеллигенцию Польши, то можно сказать, что одна часть славян с тупым равнодушием смотрела на великую борьбу за свободу народов, а другая — бросилась в эту борьбу, чтобы нанести поражение делу свободы. И славяне достигли этого с слишком большим успехом. Судьба революции была уже решена в Париже во время июньских дней. Но если революция в Германии и Венгрии была до такой степени разбита на-голову и уничтожена, если абсолютизм в Австрии сумел так полно восстановить свое господство, то виною тому было вмешательство чехов, кроатов и русских войск. Падение Вены в октябрьские дни 1848 г. и капитуляция венгерской армии перед русским генералом Паскевичем при Виллагосе (13 августа 1849 г.) означали для революции на Востоке такое же решительное поражение, как июньская бойня на Западе.

Неудивительно, что германских революционеров, как бы сильно ни было в них сознание международной солидарности, охватывала своего рода ярая ненависть к австрийским славянам, что они начали смотреть на них, как на выродков среди народов; революция — казалось им — должна перешагнуть через этих выродков. Славяне казались нациями рабов, народами, рожденными для прозябания в рабстве.

Однако, причина антиреволюционного поведения славян лежала не в таинственной предрасположенности к рабству, а в экономических условиях, в которых они жили. За исключением чехов, это были чисто крестьянские народы, совершенно неспособные понять политические и социальные потребности буржуазного общества. В Богемии, правда, имелась уже налицо развитая городская жизнь и капиталистическая крупная промышленность, но чешский народ состоял из крестьян, мещан да пролетариев, не имевших классового самосознания и по всему кругу идей своих шедших в хвосте мещанства. Правда, в 1848 г. мелкая буржуазия была еще революционным классом, но уже в то время она повсюду оказывалась ненадежной. Полубуржуа, полупролетарий, мелкий буржуа чувствует себя то тем, то другим, кидается то в рево-

люцию, то в реакцию, впадает то в революционную ярость, то в униженную покорность, не имея никаких прочных устоев. Так же вело себя и чешское мелкое мещанство, обнаружившее сначала свою революционную, а потом свою реакционную сторону, восставшее в июле против Виндишгрэца, который за это бомбардировал Прагу, а в октябре выражавшее свое сочувствие этому же самому Виндишгрэцу, когда он шел против ненавистной Вены.

Конечно, кроме ненадежности мелкой буржуазии, такой исход зависел еще и от национального антагонизма. Для чешского крестьянина, мещанина, пролетария немец был врагом, эксплуататором и угнетателем. Немецким был в Богемии не только капитал, немецкими были и верхние слои бюрократии, духовенства, армии, большая часть дворянства. Между тем в Богемии революция явилась немецким продуктом, носителями ее были немцы, и целью ее было объединение и укрепление немецкой нации! Неудивительно, что после короткого периода революционного опьянения чешский народ бросился в объятия контр-революции.

Как изменилось все это теперь! С 1848 г. капитализм проложил себе путь в Германию, проложил путь и к славянам. Он уже вполне подчинил себе значительную часть славянского мира и быстро шествует вперед не только в Германии и Польше, но и в России и у словенцев, кроатов и сербов. Повсюду создает он пролетариев, порождает антагонизм между капиталом и трудом, антагонизм, из которого рано или поздно вырастает пролетарское классовое сознание и самостоятельная пролетарская политика. А эта последняя необходимо является революционной политикой.

Т. о. давно уже миновало то время, когда славяне считались олицетворением рабской покорности: они встали в ряды народов, обладающих революционными классами; и в их недрах ведется ныне великая культурная борьба за освобождение рабочего класса, а вместе с тем и всего человечества.

Но это еще не все; указанное нами преобразование славянства признано всеми уже давно, почти четверть века тому назад. В настоящее же время можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам.

Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером

* Перевод с корректурного оттиска.

и быть социалистом — с этих пор становится равнозначущим. Как раз в эту эпоху события, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе из Франции в Германию.

Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию.

Уже однажды, в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, геройская борьба русских революционеров повергла в изумление всю Европу и оказала самое глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран. На-ряду с восстанием и геройской смертью Парижской Коммуны, на-ряду со сказочным ростом германской социал-демократии в ее борьбе против «великого» Бисмарка, ничто не повлияло так плодотворно на социалистическое движение семидесятых и восьмидесятых годов, ничто не придало ему столько воодушевления и самоотверженности, как отчаянная борьба, которую бесстрашно и подчас с величайшим успехом вела горсть русских революционеров против страшной силы самодержавия.

Эта отчаянная борьба завершилась в конце концов истощением борцов, за которыми не стояло еще революционного класса.

Но с тех пор выросло в русском народе новое поколение героев, и теперь они уже не одиноки. И в царской империи растет могучий пролетариат, который сам рождает героев и дает опору героям-революционерам из других слоев народа, опору, которой они до сих пор были лишены. Таким образом, мы идем навстречу новой эпохе революционной борьбы в России, — борьбы, которая разыгрывается на более широкой основе, чем четверть века тому назад, но по ожесточению борцов, по зверской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззаветной самоотверженности революционеров ни в чем не уступит борьбе прежних периодов русского движения.

Но мы присутствуем при начале не только физической борьбы силы против силы в России. Нет, рука об руку с революцией кулаков идет революционизирование голов. Пробуждающиеся слои народа охватывает горячая жажда знания, стремление уяснить себе свои исторические задачи и тем самым подойти к решению самых сложных и смелых проблем, возвыситься над мелочностью повседневной борьбы, окинуть взором великие исторические цели, которым эта борьба служит.

И от этого под'ема умов мы можем ждать великих деяний, которые не останутся без влияния и на Западную Европу. Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам.

Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело

обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России. Гнилой царский трон трещит по всем швам, и, быть может, он давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазия постоянно не скрепляла его заново своими миллионами. В 1848 г. царь послал опору своего могущества в Европу, чтобы задавить восстание европейской буржуазии; теперь эта самая буржуазия шлет опору своего могущества в Россию, чтобы дать царю силу задавить все свободолюбивые движения в его собственной стране. С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала.

Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению более, чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее.

В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов.

К. Каутский.

* * *

Многого ждет от русской революционной социал-демократии К. Каутский. Но — кому многое дано, с того многое и спросится! Стать во главе всемирной революции, быть передовым застрельщиком в борьбе всемирного пролетариата — может ли быть доля, более почетная, более завидная для революционной пролетарской партии, проникнутой идеей международного характера своей борьбы? Но близоруко было бы думать, что революционная гегемония — это только почетная роль, налагающая тяжелые обязанности, но не дающая никаких реальных выгод тому, на плечи которого она ложится. Нет и тысячу раз нет! Если русской социал-демократии действительно удастся отвоевать себе роль передового борца за освобождение пролетариата всего мира, то поистине неизмерима будет та мощь, которую эта гегемония придаст нашей собственной борьбе за достижение наших ближайших, самых насущных задач. Потому что стоять во главе значит пользоваться всею тою силою, которая идет позади. Это значит, что каждый шаг наш к победе над нашими домашними врагами будет ощущаться социал-демократией всего мира, как ее собственное приближение к победе над ее национальными и международными врагами. Это значит, что на всех этапах нашей борьбы нас будет поддерживать, поддерживать активно, а не пассивным только сочувствием, грозная сила всемирного пролетариата. Это значит, что парламенты, социал-демократическая пресса всего мира станут трибуной, с которой неумолчно будет раздаваться слово обличения наших варварских порядков, нашей азиатской эксплуатации, нашего грубого деспотизма; трибуной,

которая с удесyтеренной силою пробудит в сердцах наших братьев, рабочих всего мира, взрыв сочувствия к нашей борьбе, бурю негодования и ненависти к нашим врагам, которые станут и их врагами. Это значит, что рабочие организации всего мира, их боевые кассы будут поддерживать всякий шаг нашей борьбы, как свою собственную борьбу, и в критическую минуту придут нам на помощь всею силою своей организованности и своего влияния, помешают своим угнетателям оказать поддержку нашим, потому что наша победа будет их победою, наше поражение — их поражением. И в таком союзе, с такою поддержкою мы будем действительно непобедимы!

Но чтобы добиться такой гегемонии, недостаточно говорить о ней. Революционные слова здесь менее всего имеют значение. Революционная мысль и революционное дело — вот области, в которых русская социал-демократия действительно, а не по названию только, должна стать первою, чтобы оказаться на высоте той исторической роли, которая ей выпадает. Мы должны выйти из узких рамок местных, приходских интересов, должны окинуть своим умственным взором весь широкий круг вопросов и задач, волнующих человечество, и всюду должны стать хозяевами. Мы должны выдвинуть своих теоретиков, своих публицистов, своих политических деятелей в лучшем смысле этого слова. Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних пределов и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность, внося в нее элементы дряблости, узости, пошлости. Мы должны взять в свои руки руководство борьбой всех революционных и оппозиционных слоев русского народа, потому что как можем мы мечтать о том, чтобы встать во главе всемирной революции, если мы не сумеем встать во главе русской? Война всем фальсификаторам революционной марксистской теории в области мысли и война всем фальсификаторам революционной социал-демократической борьбы в области дела — таков должен быть наш девиз!

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ БЕСЧИНСТВА В МОСКВЕ.

В газетах опубликован сбивчиво и явно-лживо написанный приказ Ванновского об исключении 400 слишком студентов за «буйство», а затем и приказ обер-полицеймейстера о наказании арестом 250 лиц за неповиновение полиции. Из нижеследующих прокламаций читатели увидят, как происходили дела в Москве:

Приказом 14 февраля 1902 г. Ванновский исключил более 400 чел. московских студентов за порочное поведение, передав их во власть м-ства вн. д. для соответственного наказания. Их рассматривают теперь как политических преступников, стремившихся вооруженной силой ниспровергнуть существующий строй. Лиц, чем-нибудь выделившихся из общей массы, держат в одиночном заключении. Остальных, за недостатком места в тюрьмах, разделяют на несколько категорий, наказание им намечено: ссылка в Якутскую область и северо-восточн. сибирск. губернии от 2—8 лет; кроме того, 247 чел. приговорены к аресту при московск. полиции сроком до 3 мес. за праздное любопытство. В чем же дело? Всякому, прочитавшему приказ Ванновского, ясно, что это наглая и подлая мера, но что произошло, все же остается непонятным. Постараемся

же, насколько возможно, выяснить. После издания временных правил, отвергнутых не только всеми группами студентов, но даже профессорами, возбуждение мысли в Москве стало крайне напряженным, готовилась демонстрация. С 30 янв. по 9 февраля каждую ночь производилась полицией массовые обыски, общим числом больше 1000. Опасаясь быть переловленными на квартирах, студенты, оставшиеся на свободе, решили не отменять сходки, назначенной на 9 февраля еще за месяц раньше для обсуждения демонстрации. Они решились устроить уличную демонстрацию с участием народа, помня, как в прошлом году толпа разбивала двери с целью освободить студентов. Крайние элементы предлагали явиться с оружием в руках. Сходка была назначена на 12 час. С утра начали собираться студенты и курсистки разных учебных заведений. Ворота и двери университета были открыты для всех. Усиленного наряда полиции не было. Когда набралось более 500 чел., ворота университетского двора были закрыты; из засады выступили войска и полиция, которые оцепили весь университетский квартал и прилегающие к нему улицы. «Любопытствующую публику» начали оттеснять, находящихся же на дворе студентов стали загонять в самый университет. Актовый зал оказался открытым — тут сейчас же была устроена сходка. На сходке тотчас же образовались 2 партии (академистов и политических). Немногочисленная группа академистов пожелала уйти, при выходе была избита, частью забрана в манеж, частью вернулась назад, — отдельным лицам задними ходами удалось выбраться на волю из оцепления. Оставшаяся часть отправилась в инспекторскую комнату, взломала конторку и уничтожила все тайные характеристики студентов и секретные документы инспекции. Так как в стенах университета оказалась заранее спрятанная военная команда и университетск. здание начало наводняться ею, оставшиеся студенты поспешили собраться в актовом зале, заколотили гвоздями все двери, устроили баррикады из мебели, разбили стекла и выкинули красные знамена с надписью «свобода». 7 человек, спасавшиеся от преследования полиции, позвонили в квартиру Чистякова и, войдя, закрыли за собою двери. В таком положении дело оставалось до полуночи. Полиция, боясь вооруженного столкновения, устранила предварительно всех свидетелей, очистив улицы и увезя в Бутырки всех забранных в манеже. Тогда, около часу ночи, двери актового зала взломаны полицией, и введены были солдаты со штыками наперевес и пожарные с пылающими факелами. Осажденным предложено было сдаться и дано ¼ часа на рассуждение. После горячего обсуждения осажденные в количестве 517 сдались, выкинув предварительно через разбитые стекла бывшие у них прокламации и бросив в одну кучу имевшееся у них оружие. Таким же образом через взлом двери извлечены были 7 студентов, спасавшиеся в квартире Чистякова. Толпу забранных вывели на улицу, построили в колонны, окружили конвоем вооруженного войска и отправили в Бутырки в сопровождении эскадрона сумских драгун. Полиция, боясь, чтобы толпы народа не стали отбивать студентов, требовала, чтобы драгуны ехали рысью. Эскадронный командир князь Трубецкой заявил, что «для пеших нет команды рысью», и сделал 2 раздыха по дороге в Бутырки. — В этом году улица не выручила студентов; полиция приняла для этого соответствующие меры. Часть фабрик была оцеплена войсками. На многих на 9 и 10 февр. была применена новая полицейская мера: двойная заработная плата. Общество было уже раньше терроризовано массовыми арестами и обязательными постановлениями. Появлявшиеся близ оцепления толпы терроризовались самым произвольным и бессмысленным выхватыванием из толпы отдельных лиц и сажанием их в манеж. Характер выхватывания виден, отчасти, и из нижеприведенных примеров: 1) студентов межевого института хватали на всех улицах, ловили всякий зеленый кант, — так как полиция была зла на директора межевого института за недопущение обыска в интернате; 2) студент X, уговаривавший еще утром своих товарищей не ходить на сходку, пропал к вечеру. Оказалось, что, когда он в 3 часа дня проходил мимо манежа, к нему подскочил городской с криком: «Куда?». Студент ответил: «Видите, иду вперед». «А, рас-

суждать... в манеж его!»; 3) на Тверской хотели пройти два студента с провизором, их остановила полиция. Оказалось, что они жили в аптеке через дорогу. Стоявший тут пристав закричал: «Теперь все там живут!». Студентов забрали в манеж, провизора отпустили; 4) старушка просила пропустить ее в черту оцепления, так как там служила прислугой ее дочь, — и ее забрали в манеж; 5) мастерового, просившего дать поглядеть на эмира бухарского; 6) шел мимо манежа студент в шинели с бобровым воротником и белых перчатках с двумя катковскими лицейстами, пристав приказал их взять. Подлетевший городской отдал под козырек, сказав: «Ваше благородие, пожалуйте в манеж». «За что же?» «Там после начальство разберет, теперь же пожалуйте в манеж» (лицейстов взял на поруки директор — студент еще 12 числа сидел в Бутырках); 7) один господин был в магазине Карбасникова, когда ставили оцепление, когда же вышел оттуда, был взят в манеж; 8) одному гимназисту надо было купить учебник, и так как он смиренно отдал приставу под козырек, прося пропустить его для указанной цели, то пристав исполнил его просьбу. При выходе из магазина он нечаянно попался на глаза Трепову, который приказал забрать в манеж: «этого, к чему-то болтающегося гимназистушку». Таким образом, изловили человек около 300, держали в манеже все время стоя, без еды, при чем полиция позволяла себе грубые издевательства, доходя до того, что перед голодными стоящими заключенными расставляла столы и пиришествовала. Солдаты же, бывшие в манеже, по показаниям заключенных, относились добродушно, некоторые даже сочувственно выражали желание «успеха и счастья студентам в их деле». В 11 час. вечера они были посажены в заранее приготовленные каретки и в карьер были отвезены в Бутырки, при криках возмущения сумевшей все-таки собраться толпы. В 3 часа ночи из освещенного факелами университета вышли 2 батальона Литовского пехотного полка. На другой день лов любопытствующих у университета продолжался. 11-го и 12-го по особым протекциям человек 30, взятых на улице по ошибке, выпущены. Трепов говорил: «Чистенько мы обделали дельцов».

11-го числа состоялась сходка студентов-медиков 3 старших курсов, единодушно постановивших забастовать. Подано начальству официально заявление о забастовке, занятий в клиниках нет. Университет не закрыт. Посе-

щают лекции только несколько лиц, происходят мелкие обструкции. Ректор призывает отдельных «смирных» студентов, запугивая их исключением, в случае, если они не будут посещать лекции. Несмотря на это, большинство приглашаемых отказывается. Назначенная на 14 число организационным комитетом Союза академиков сходка не состоялась вследствие усиленного наряда полиции. Деятельность Исполнительного Комитета временно замерла, чтобы хорошенько обдумать, как устроить демонстрацию при наличных силах студентов. 19 февраля генерал-губернатор разрешил рабочим, сколько бы их ни оказалось, возложить венок на памятник Александра II в Кремле, при чем предупредил, что будут присутствовать войска, как такие же представители народа. Настроение в Москве крайне напряженное, — в интеллигентных сферах несколько угнетенное.

В листке с-петербургских горных студентов сообщается о той же сходке: «Москва. К 12 час. студенты стали собираться во дворе университета, — собралось более 900 чел., кроме того, явилось до 80 из посторонней публики и 65 курсисток. После часу уже никого не впустили и университет был кругом оцеплен полицией и войсками. Все собравшиеся были скоро впущены в актовый зал, где и открылась сходка. После продолжительных прений, в конце которых часть „академистов“ вышла и расположилась во дворе, присутствующими была принята программа политического протеста и вынесена следующая резолюция:

„Мы, учащиеся в высших учебных завед. Москвы, на общем собрании 9 февраля 1902 г., после всестороннего обсуждения, единогласно постановили: считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзии академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований, глубоко убежденные, что для правильного хода общественной жизни необходимо пересоздание всего социального и политического строя на началах признания за личностью прав. Мы уверены, что без этого русская жизнь не двинется ни на шаг вперед, что лучшие силы будут периодически вырываться из среды общества, что позорное топтание на одном месте не прекратится, мы требуем: 1) Неприкосновенности личности, 2) Свободы печати; 3) Свободы совести; 4) Свободы со-

ФЕЛЬЕТОН

ПИСЬМО К ЗЕМЦАМ.

Приводим полностью гектографированное письмо к земским деятелям, которое ходило по рукам во время последней сессии земских собраний (в наши руки оно попало, к сожалению, только в самое последнее время):

«Милостивый Государь!

«Тяжкие условия, в которые поставлена в настоящее время Россия, русский народ и русское земство, побуждают обратиться в Вам, милостивый Государь, с настоящим письмом в предположении встретить с Вашей стороны сочувствие высказанным здесь мыслям и намерениям.

«Длинный ряд печальных и возмутительных фактов, молчаливыми свидетелями которых мы были за последнее время, мрачной тучей тяготеет над общественной совестью, и перед каждым интеллигентным человеком ребром ставится роковой вопрос: возможно ли далее политически бездействовать и пассивно участвовать в прогрессирующем обнищании и развращении родины?

«Хронические неурожаи и непосильное податное бремя в виде выкупных платежей и неокладных сборов буквально разорили народ, вырождая его физически.

«Фактическое же лишение крестьянства всякого признака самоуправления, мелочная опека официальных и добровольных представителей „твердой власти“ и искусственная умственная голодовка, в которой держат народ непрощенные блюстители „самобытных и законных начал“, ослабляют его духовную мощь, его самостоятельность и энергию.

«Производительные силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными деятелями при милостивом содействии играющих судьбами родины авантюристов. Тщетно „благотворительное правительство“ рядом одному противоречащих и наскоро придуманных мероприятий силится заменить живую и планомерную борьбу экономических групп страны. Попечительное „содействие“ и „усмотрение“ бессильны перед зловещими предтечами хозяйственного и финансового банкротства России: земледельческим, промышленным и денежным кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задущена и лишена возможности пролить свет хотя бы на часть преступлений, ежедневно совершаемых защитниками порядка над свободой и честью русских граждан. Один произвол, бессмысленный и же-

браний и организаций; 5) Непосредственной ответственности административных лиц; 6) Общедоступности образования; 7) Допущения женщин в университет; 8) Уравнение прав национальностей. — Вместе с рабочими мы требуем: 9) 8-часового рабочего дня и 10) Права стачек. Не признавая настоящего правительства способным к преобразованию общественного строя на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созыва «Учредительного Собрания». Общеполитическая программа заставляет нас вынести протест на улицу, где мы вместе с кадрами рабочих и общества готовы силой поддерживать наши требования. Согласно постановлению сходки, настоящая резолюция будет представлена совету министров с подробной мотивировкой. — Все собравшиеся решили остаться в университете до утра с тем, чтобы на другой день присоединиться к предполагавшейся рабочей манифестации. От ректора дано было обещание, что войска внутри университета допущены не будут. Тем не менее, в 3 часу ночи в университет ворвались городовые, жандармы и солдаты с ружьями и факелами. Были тотчас же пущены в ход нагайки и шашки. Многие сильно избиты, двое весьма серьезно. После этого все присутствовавшие были арестованы и препровождены сначала в манеж, а потом развезены по тюрьмам, — главным образом в Бутырку, куда раньше доставлены были академики, арестованные во дворе университета. В Бутырской тюрьме находится в данный момент до 600 студ., арестованных 9-го, около 300 чел., захваченных несколько ранее, и 100 чел. интеллигенции. От прокурора им было заявлено, что никакого следствия и суда над ними производиться не будет, а наказания всем уже назначены заранее. Многие посажены в одиночное заключение. Режим заключенных самый стеснительный: запрещена передача писем, денег и провизии, свидания никому не разрешаются. Университет закрыт попрежнему.

Таким образом, в первый раз собрание нескольких сот студентов вынесло резолюцию, совершенно определенно выражающую солидарность студенчества с политическими требованиями пролетариата.

Интересные сообщения о событиях 9 и 10 февраля находим в одной корреспонденции английской газеты «Standard», которая отражает настроение некоторых «солидных» русских сфер:

стокий, властно возвышает свой голос и царит на всем необъятном пространстве разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встречая нигде должного отпора.

«При таком положении вещей вполне естественно систематическое недоверие правительства к малейшим проявлениям частной и общественной инициативы, к деятельности всякого рода общественных союзов и в частности к земским учреждениям, — этому камню, на котором Россия 60-х гг. чаяла видеть утверждение нового царства. Торжествующей бюрократией земские учреждения осуждены на медленную смерть, и каждый год несет новый удар их жизнедеятельности, их значению и авторитету в глазах общества и народа, который почти не отличает земства от чиновной администрации. Земские собрания превращены в сословно-бюрократические совещания, вопреки ясно выраженному протесту всех прогрессивных групп страны, и потеряли всякую связь с массой русского народа. Земские управы становятся придатками губернаторских канцелярий и, теряя самостоятельности, постепенно приобретают все недостатки присутственного места. Земские избирательные собрания низведены до какой-то комедии. Малочисленность избирателей и деление последних на сословные группы, не давая собраниям возможности служить средством для выражения, в лице

«Москва снова в настоящем осадном положении. Предыдущие дни полиция деятельно „чистила“ город, захватывая подозрительных лиц из всех слоев общества. Главными страдальцами были, конечно, студенты, но в этом году новую черту составляют многочисленные аресты среди рабочих»...

«Несмотря на все меры, по суровости превосходящие даже те, которые были приняты вслед за убийством Александра II, прокламации потоком распространяются в населении, притом печатные, а не гектографированные, как обычные студенческие. В пример того, какими способами они распространяются, упомяну о случае в Орехове-Зуеве, крупном мануфактурном центре с 40.000 рабочих. Тут было основано общество трезвости с народной читальней и чайной. Читальня посещалась рабочими с большим усердием, которым учредители были очень довольны, пока не открылось, что в каждую книжку вложены прокламации. Сегодня утром прокламации были расклеены на одной из московских улиц, несмотря на то, что каждый дом имеет дворника, обязанного следить за всем и имеющего право арестовывать подозрительных лиц».

О неудаче демонстрации 9 февраля корреспондент рассказывает:

«Рабочие окрестных фабрик не могли проникнуть в центральные части Москвы в виду того, что вся площадь фабрик и заводов за городскими воротами двое суток охранялась сильной цепью войск. Поэтому демонстрация пока потерпела неудачу. Далее, набег полиции оставил массы без вожakov или лиц, в которых они видели вожakov. Фактически весь московский гарнизон теперь стоит под ружьем, за исключением артиллерии и саперов. Тревога, поданная из Орехова-Зуева, где начались беспорядки, заставила поспешно отправить туда войска в специальном поезде, но, если такие вызовы не станут более частыми, московский гарнизон, состоящий из 25—30.000 солдат всех родов оружия, будет достаточен для устрашения черни».

«Храм Спасителя также оберегался двумя батальонами пехоты, скрытыми в его подвалах, с целью помешать студентам собраться на обширной площади перед собором. До настоящего времени улицы обнаруживают лишь обычное праздничное оживление, но гуляющие принадлежат к менее фешенебельному классу, чем в обычное время, и толпы народа возле университета, беспрестанно разго-

избранных гласных, различных общественных интересов, превращают их в арену борьбы мелких и личных самолюбий».

«Пределы ведения земских учреждений ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дело из компетенции земства изъято. В деле оценки земство превращено в исполнителя чиновных распоряжений. В области народного образования роль земства сведена почти к нулю. Выработанный министерством Горемыкина врачебный устав формально не отменен и, словно Дамоклов меч, висит над земской медициной. Черный призрак наказа училищным советам, повидимому, рассеялся. Но земство ничем не гарантировано от нового появления этого призрака, но уже воплощенного в форму закона и связанной с ним окончательной гибели земской народной школы. Взаимные сношения земских учреждений разных губерний, необходимость которых стала избитым общим местом, встречают новые затруднения в последнем циркуляре м. вн. дел по этому предмету. Каждый шаг земства, как общественного учреждения, связан сложной паутиной многочисленных циркуляров различных министров, и земскому деятелю при проведении в жизнь той или другой меры приходится затрачивать не мало времени, энергии и остроумия на неблагоприятный труд распутывания этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ее второй пункт

няемые полицией, показывают, что все живо интересуются происходящим».

Прибавим, что о волнениях в Орехове сообщают также наши корреспонденты. Был слух, что ореховцы двинулись на Москву и войска были отправлены им на встречу. — В замечаниях практичного англичанина следует обратить внимание на то, что одновременное движение в главнейших фабричных пунктах, кольцом окружающих Москву, должно совершенно парализовать «боевую готовность» московских властей и тем дать возможность московской «улице» выполнить свою задачу.

События в Петербурге (из частного письма). Разрешенные в среду градоначальником, по распоряжению м-ства вн. д., в четверг вечеринки были запрещены. Студенты решили провести вечер 8 февраля в народном доме Николая II, при чем всячески стараться избежать столкновений с полицией. Во время спектакля сверху в публику были брошены листки, а по окончании его было предложено прокричать «ура» в честь студенческого праздника. После этого и началась история, которая, по словам очевидцев, во сто крат превосходит историю 4 марта. Заготовленные заранее полиция и дворники бросились в толпу и били направо и налево кого ни попало, при чем вся эта картина носила вид дикой, нелепой и притом бесстыдной кулачной расправы. Раззудись плечо, размахнись рука — и летит на пол тщедушная женская фигурка; раззудись плечо... и кубарем катится по земле студент-горняк; в течение 2 часов размахивались руки — и в результате кровь... Разбитые лица, изуродованные физиономии, с кем-то случай умопомешательства, кого-то совсем не досчитываются, несколько человек тяжело изувеченных... А башибузуки, тем временем, ликуют, получив от его превосходительства вице-губернатора по 3 гривенника на чай и личную благодарность за то, что так постарались на пользу царя и отечества... Около сотни или полутора человека (а может быть больше, довольствуюсь пока что одними лишь слухами, ибо точных сведений нет) тотчас же было рассажено в кареты и развезено куда следует.

Из другого сообщения:

В народном доме около 1 часа ночи было страшное избиение кучки студентов значительным превосходящим чи-

слом полиции. Дом с самого начала был битком набит полицией с бароном Нолькеном во главе (полицеймейстер). Полиция, казалось, ждала только повода. Но студенты держали себя безукоризненно весь вечер. В конце, когда публика начала уже расходиться, полиция вздумала арестовать 2 студентов. За товарищей вступились остальные, требуя в таком случае и их арестовать. В это время раздалось: «Да здравствует петербургский университет!» «Долой временные правила!» «Реформаторам нашим анафема!» Возгласы эти покрывались каждый раз криком «ура!» (возможно, что это были провокаторские возгласы). В то же время в выходе на студентов набросилась полиция, в боковые двери ворвались еще городовые, и началось беспощадное избиение! Многие сильно побиты, между прочим проф. медицинск. курсов Гинзбург. Арестовано 27 студентов и 2 курсистки, многих переписали. 9 февраля, около 4 час. дня, по Васильевск. острову проскакала целая сотня (а может и больше) конных городских по направлению к Гавани. Говорят, что «бунт» на каком-то Бельгийском заводе.

Демонстрация в Одессе. По почину группы «социалистов-революционеров» 23 февраля произошла в Одессе демонстрация. На Ришельевской улице появилась небольшая кучка молодежи с красными флагами. Вокруг нее собралась толпа из учащихся, рабочих (ремесленных) и прочей публики. Толпа вступилась за арестуемых знаменосцев. Демонстранты рассеяны эскадронным казачьим, сотней конных жандармов и полицейским отрядом. Арестовано 160 человек. Немедленно по возникновении «беспорядков» полицеймейстер приказал закрыть на Дерибасовской улице все магазины и рестораны.

Всю следующую неделю войска стояли наготове.

О демонстрации в Петербурге 3 марта, как и о событиях в Юрьеве и Ростове, мы сообщим в следующем номере.

Полтава. 5 февраля в местном театре состоялась манифестация в честь Толстого. Шла «Власть тьмы». Перед третьим актом, прежде чем подняли занавес, с различных концов галлерей в публику посыпался дождь раз-

отдает всю деятельность земства на усмотрение губернатора. Губернаторские ревизии земских управ все учащаются; в лице непременных членов губернского по земским делам присутствия правительство бесцеремонно учреждает гласный надзор за земством. Изданием закона о предельности земского обложения правительство открыто признается в своем крайнем недоверии к основному праву земства — праву самообложения. Благодаря вмешательству деп. полиции, от земской деятельности насильно отрываются лучшие земские работники, выборные и наемные. В недалеком будущем, вероятно, получат силу закона министерские проекты о контроле денежных операций земства чинами Государственного Контроля и об упорядочении деятельности земских совещательных комиссий.

«Земские ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленным для того порядком и небрежно отклоняются единоличной властью министров. Работать при таких условиях в земстве с серьезной верой в плодотворность этой работы представляется невозможным. И на наших глазах происходит процесс все увеличивающегося оскудения земской среды и в особенности земских исполнительных органов — управ. Уходят из земства люди, горячо преданные земскому делу, но утратившие веру в плодотворность работы

при нынешних условиях. И на смену им идет земец новой формации, идет оппортунист, трусливо дрожащий за имя, за форму земских учреждений и окончательно унижающий их достоинство уродливым пресмыканием перед администрацией. В результате получается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтожения самоуправления. Открытый поход правительства против самой идеи земства мог бы привести к широкому общественному возбуждению, которого так боится бюрократия. Но на наших глазах происходит замаскированное умерщвление принципа самоуправления и, к несчастью, не находит организованного отпора.

«При таком положении вещей сравнительная ничтожность материальных итогов земской деятельности несколько не восполняется ее воспитательным значением, и почти сорокалетняя работа земских учреждений в смысле развития гражданственности, общественного самосознания и самостоятельности может пропасть бесследно для ближайшего будущего. С этой точки зрения, спокойное, покорное ожидание оппортунистов-земцев только содействует бесславной и бесполезной смерти великой идеи земских учреждений. Вывести земства из того тупика, куда привела их система опеки, возможно, лишь энергично борясь против нелепой мысли, что обсуждение вопросов, выходящих за пределы мелочей местной жизни,

ноцетных листов с портретом Толстого и надписью «Да здравствует отлученный от церкви Л. Н. Толстой, борец за свободу». Среди полумрака и мгновенно воцарившейся торжественной тишины, нарушаемой только легким шелестом падающих листов, раздался вдруг громкий возглас: «Да здравствует отлученный от церкви Толстой, борец за свободу». На этот возглас откликнулся весь театр, публика встала, и в продолжение нескольких минут в театре стоял несмолкаемый гул голосов: «Да здравствует Толстой!» «Да здравствует свобода!» Момент был чрезвычайно торжественный. Воодушевление охватило весь театр. Когда растерявшаяся театральная администрация распорядилась, наконец, поднять занавес, никто уже не обращал внимания на сцену: из рук в руки переходили приветственные листки и тут же пущенные прокламации политического характера (к слову сказать, чрезвычайно неудачные). Возбуждение усиливалось беготней полиции, бросившейся отнимать листки, которые публика отдавала очень неохотно. Встревоженные пристава сообщали в телефон: театр полон прокламациями! возбуждение страшное! Пришлите сыщиков!.. Эта демонстрация чрезвычайно взбудоражила местную сонную жизнь. Обыватель проснулся и заговорил. Спросонья говорилось, конечно, много нелепостей (вроде того, например, что на 18-е назначено избивание офицеров, а на 19-е общий [!!] бунт), но важно, что обыватель узнал о существовании рядом с ним какой-то другой жизни, каких-то других интересов. Узнал, что эти интересы — не только праздничное украшение жизни, а что-то более важное, что-то, зовущее к деятельности, к борьбе, требующее внешнего проявления. Через несколько дней его познания обогатились: он узнал, что эта борьба, хотя бы в скромной форме приветственной манифестации, достается недаром: в ночь с 8-го на 9-е местная жандармерия пустилась в поход, в результате которого оказалось 45 человек военной добычи (обысков произведено около 70). Для обысков и арестов была вызвана вся уездная полиция. По словам лавочников «интеллигенцию» возили с 6 ч. утра до 11—12 дня. Хватили направо и налево, преимущественно поднадзорных. И сами по себе массовые аресты вызвали страшный переполох в городе, но переусердствовавшая полиция постаралась усилить возбуждение: некоторых арестованных везли с шашками наголо, а так как арестантские роты, куда свозили арестованных, находятся почти на конце города,

то к 12 часам дня весь город был оповещен о необычайном происшествии. С утра перед арестантскими ротами начала собираться толпа, привлекаемая сенсационными слухами и пением революционных песен, раздававшимся из окон исправительного отделения. Арестованные, возмущенные произвольностью действий жандармерии, немедленно потребовали жандармского генерала, но получили в ответ генеральское: «подождут». Это подлило масла в огонь. Арестованные (распределенные по трем камерам — мужчины в одной, а женщины в 2-х) сейчас же начали обсуждать что делать. Трое вызванных на допрос отказались пойти. Один из заключенных, Васильевский, объявил голодовку еще с утра, требуя, чтобы ему предоставили достаточные основания для его ареста. Его пытались разубедить, но напрасно. Он потребовал перевода в одиночку, так как рассчитывал голодать один. Остальные немедленно составили и подписали следующий протест: не видя достаточного основания для нашего ареста, мы протествуем против этого насилия и требуем немедленного освобождения. Протест этот составлен был еще утром, но отдать его в этот же день не удалось. Вечером, когда Васильевский был перевезен в одиночку, одна из женских камер заявила голодовку впредь до выполнения требований Васильевского. Это заявление вызвало страшное возбуждение. Пока вопрос не выяснен ни в ту ни в другую сторону, решили не есть (с 8 часов вечера), а утром в воскресенье потребовали от начальника разрешения общей сходки для обсуждения этого вопроса. Сходка состоялась в присутствии начальника арестантских рот. Мнения разделились, большинство было против голодовки, но в виду категорического заявления женской камеры решено было примкнуть к голодающим и официально объявить голодовку с 2 ч. дня воскресенья. К 2 ч. явился прокурор, которому подали протест для передачи жандармерии, и заявили о голодовке. В этот день в виду собравшейся на площади толпы, при пении «Марсельезы», «Дубинушки» и пр., из окна верхнего этажа арестованными было выброшено красное знамя с надписью: «свобода!». Толпы народа со всех концов города собирались к арестантским ротам, толкая о необычайном событии, прислушиваясь к пению боевых песен. В виду сильного возбуждения, вызванного всем этим, с 4 час. дня арестантские роты и прилежащие улицы были оцеплены войсками. В самые роты была введена «команда для по-

грозит народными бедствиями. Бороться с этим жупелом, страшным, конечно, не для народа и государственной безопасности, с этой мыслью, нелепость которой цинично признается самими ее защитниками (см. конфиденциальную записку Витте „Самодержавие и Земство“), — земству надлежит путем открытого и смелого обсуждения в земских собраниях вопросов общегосударственного значения, тесно связанных с нуждами и пользами местного населения. И чем разностороннее, полнее и энергичнее будут земские собрания обсуждать подобного рода вопросы, тем с большей ясностью обнаружится, что публичное обсуждение народных зол не грозит народными бедствиями, а, наоборот, предупреждает их, что тот гнет, под которым находится в настоящее время печать, полезен лишь врагам народа, что господствующей полицией мысли и слова нельзя создать честных граждан, что законность и свобода не находятся в противоречии друг с другом. Публичное выяснение всех подобных вопросов одновременно в нескольких губернских земских собраниях встретит несомненно сильнейшее сочувствие всех слоев народа и вызовет энергичную работу общественной совести. Если же земство ничем не реагирует на современное критическое состояние России, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отняв у него роль представителя интересов труда, не задумаются привести его

в окончательное „соответствие“ с общим строем учреждений империи. Какие формы примет это „соответствие“, мы, принимая во внимание глубокомыслие и изобретательность теперешних правителей страны, положительно затрудняемся себе представить. Ведь хватило же наглости у г. мин. вн. дел и удивительного презрения к „первенствующему“ сословию империи, чтобы возложить на его избранников — предводителей дворянства — гнусную роль шпионов по надзору за чтецами и существом народных чтений.

«По изложенным соображениям мы полагаем, что наше бездействие и дальнейшее смиренное подчинение всем экспериментам, которым бюрократия подвергает земство и всю Россию, представляется не только своего рода самоубийством, но и тяжелым преступлением перед родной страной. Неосновательность, безумие тактики оппортунизма — эта продажа „первородства“ за „чечевичную похлебку“ — достаточно доказаны нам жизнью: самодержавная бюрократия, присвоив сначала право первородства, отняла теперь у нас и „чечевичную похлебку“. Шаг за шагом у нас отняты почти все наши гражданские права, и сорокалетие, протекшее со времени начала „великих реформ“, привело нас к тому же пункту, из которого мы вышли 40 лет тому назад, приступая к этим реформам. Много ли осталось нам терять и чем может

давления беспорядка». Полиция забирала в участок всякого, вступавшего в пререкания. Весь город был взволнован слухами о происходящем в тюрьме. Весть о голодовке встревожила общество. Люди самых разных слоев и положений негодовали и возмущались действиями жандармерии и администрации. Но наивысшей точки достигло волнение в понедельник утром. Сначала в арестантские роты был взят с улицы врач, затем выребован батальон солдат, затем поскакало начальство: инспектор, прокурор, вице-губернатор, затем пронесли связки розог. Эта лихорадочная суматоха, дикие крики внутри тюрьмы, звон разбиваемых стекол, тревожная беготня тюремного начальства, все это заставляло думать, что там, за стенами, среди больных, истощенных, изнервничавшихся людей, разыгрывается какая-то страшная драма. Нервы напряглись до последней возможности. Никто не знал, что происходит в тюрьме. Пение смолкло, а солдаты, отряд за отрядом, входили в ворота и исчезали в огромном здании арестантских рот. Неизвестно откуда взявшееся слово «бунт» облетело толпу, наполняя ужасом и без того истерзанную душу. К 3 часам все, повидимому, успокоилось. Встревованные за участь близких людей, родственники арестованных подняли на ноги весь город, требуя прекращения этих ужасов, настаивая, чтобы требования В. были удовлетворены. К вечеру в городе уже циркулировал рассказ о происшедшем в тюрьме, волнуя и без того взволнованные умы. Вот этот рассказ со слов заключенных. Опасаясь возбуждения толпы, собравшейся перед арестантскими ротами, в.-губернатор через инспектора потребовал перевода заключенных в нижний этаж (окнами во двор), обещая, что камеры там не хуже. Мы, послав двух лиц для осмотра камер, решили уступить, но когда начали перебираться, то оказалось, что камеры полны насекомых. Оставшаяся наверху часть отказалась перейти. Тогда в коридоры были введены солдаты, офицер, командовавший ими, заявил нам, что власть над заключенными передана ему. Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы в эту минуту женщины не прислали депутацию с просьбой не сопротивляться и перейти вниз. Уступая их просьбам, начали переходить. Один из товарищей, в это время истощенный голодовкой, потерял сознание. Его пришлось переносить на руках. Когда процессия с пением «Марсельезы» двинулась вниз, среди женщин раздались истерические крики. В этот момент произошло

что-то ужасное: раздался какой-то гул, грохот, какой-то крик сотни людей. Железная дверь из отделения уголовных с треском вылетела, и толпа уголовных арестантов около 300 человек, с молотами, топорами в руках, бросилась к нам с криком: «Вас бьют? Скажите, вас били? Мы защитим вас!» Стража и солдаты мгновенно бежали, успев толкнуть нас в камеры, уголовные бросились к нашим дверям, пожимая нам руки через решетки, обещая нам свою поддержку. Взволнованные всем происшедшим, мы с трудом успокоили их, объяснив, что нас не били, что среди нас есть больные и т. д. Они, в свою очередь, сообщили нам, что растерявшееся начальство, заявившись усмирением нашего «бунта», заперло их на чердаке и забыло накормить. Пока шли эти переговоры, коридоры снова наполнились солдатами. Явился полицеймейстер, инспектор, прокурор, вице-губернатор. В камеру в качестве парламентария прислали одного из офицеров. К чести его нужно сказать, что, явившись в камеру, он снял оружие (и вообще офицеры держались очень корректно). Убеждая нас подчиниться требованию начальства, он был не мало удивлен, когда узнал, что мы уже исполнили это требование и притом добровольно. Вслед за ним в сопровождении свиты офицеров явился вице-губернатор, которому начальник арестантских рот поспешил сообщить о нашем «сопротивлении». Но мы тут же рассказали, как было на самом деле. Вице-губернатор, выслушав наши объяснения, обещал приложить все старания, чтобы ускорить окончание дела. Во вторник утром Васильевский был освобожден. Инспектор немедленно объявил нам об этом, и голодовка была прекращена. В тот же день начали выпускать. Теперь в арестантских ротах и в тюремном замке осталось 24 человека, но и их обещают выпустить на-днях. Во всем городе только и разговоров, что о тюремных событиях. В последние 3 дня непрерывно появляются прокламации: часть (на малорусском языке) пущена в окрестных деревнях, часть расклеена по городу (за подписью украинцев — соц.-революционеров), часть разослана по домам. Со дня на день ждут каких-нибудь событий. Настроение тревожное. Администрация выребовала две сотни казаков и разделила город на две части: одна предоставлена Елецкому, другая Орловскому полкам. К 20 февраля все арестованные, за исключением 5-ти человек, освобождены.

быть оправдано наше дальнейшее молчание, чем может быть объяснено оно, кроме позорной трусости и полного отсутствия сознания своих гражданских обязанностей?

«Как русские граждане, и притом „наверху“ стоящие, мы обязаны отстаивать права русского народа, обязаны дать надлежащий ответ самодержавной бюрократии, стремящейся задавить малейшее проявление свободы и самостоятельности в народной жизни и обратить весь русский народ в покорного раба. Как земцы, мы в особенности обязаны отстаивать права земских учреждений, защищать их от произвола и гнета бюрократии, отстаивать их право на самостоятельность и широкое удовлетворение потребности всех слоев народа.

«Перестанем же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажем, наконец, что мы взрослые граждане, и будем требовать того, что нам принадлежит по праву, — нашего права „первородства“, наших гражданских прав.

«Самодержавная бюрократия никогда ничего не дает добровольно, а дает только то, что у нее вынудят, хотя и старается при том сделать такой вид, будто она поступает своими „правами“ единственно из великодушия. Если же и случится ей дать более того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимает все излишние уступки, как и случилось с нашими „великими реформами“. Правительство не позаботилось о рабочих до

тех пор, пока перед ним не встало серьезное „рабочее движение“ в форме демонстраций многотысячных рабочих масс, тогда оно спешно приступило к „рабочему законодательству“, хотя и достаточно лицемерному, но все-таки рассчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какие требования рабочих и успокоить эти грозные массы. Правительство в течение десятков лет калечило нашу учащуюся молодежь, наших сестер, братьев и детей, не допуская ни малейшей критики придуманной им „учебной системы“ и свирепо подавляя студенческие „беспорядки“.

«Но вот эти „беспорядки“ превратились в массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократия прониклась вдруг горячим чувством „сердечного попечения“ об учащейся молодежи, и те самые требования, на которые вчера еще единственным ответом был свист казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой „реформы учебного дела“.

«Конечно, и в этой метаморфозе есть немалая доля лицемерия, а все-таки... Все-таки не подлежит сомнению тот факт, что „бюрократия“ вынуждена открыто признать и сделать довольно существенную уступку общественному мнению. И мы, как и все русское общество, весь русский народ, мы можем рассчитывать

Манифест всероссийского студенческого съезда.

«Мысль о съезде представителей высших учебных заведений России, который мог бы объединить студенчество и выработать общий план действий, не является новостью. Попытки к ее осуществлению мы видим в Одесском и Московском съездах, к сожалению не удавшихся. Только теперь, несмотря на все препятствия, удалось удовлетворить назревшую потребность. — Съезд после всестороннего рассмотрения настоящего положения вещей пришел к следующим выводам: 1) Студенческое движение есть движение политическое. Этим положением съезд хочет сказать, что студенческое движение своими корнями лежит глубоко в современном общественном строе России. Осуществление университетской автономии шло бы в разрез с правительственной тенденцией, заглушающей всякое стремление к самостоятельности. Поэтому борьба за права студенчества неизбежно является борьбой против правительства. Противодействие такой постановки вопроса не разумно и рано или поздно будет смыто волнами жизни. Студенческие движения будут продолжаться до тех пор, пока народное представительство не даст гарантии свободы личности, совершенно отсутствующей при монархическом строе. 2) Необходимость высказать это положение вызвана у съезда грустным сознанием, что не вся масса студенчества вполне ясно представляет себе роковую неизбежность эволюции. Съезд находит, что выяснение вопроса может и должно вестись в форме пропаганды среди студенчества. Констатируя факт совместных действий за последнее время студентов и рабочих, приветствуя от души это явление и выражая желание большего единения учащейся молодежи и пролетариата, идущих нога в ногу по пути требования политической свободы, являющегося первым пунктом социалистической программы, съезд находит желательным возможно широкую пропаганду социалистических идей среди студентов. Последнее необходимо для ясного понимания роли и степени участия пролетариата в нашем движении. Для лучшего достижения этой цели съезд находит желательным учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными комитетами Российской Социал-Демократической Партии, к которым съезд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям.

Что касается вопроса о тактике движения, съезд, оставляя в силе применения забастовки и обструкции во всех ее видах, выдвигает на первый план демонстрацию как наиболее действительное средство обратить внимание общества на ненормальное положение дел. Кроме того, съезд предлагает всем студенческим организациям заняться изысканием новых форм протеста. Считая единство действий залогом успеха, съезд высказывается за желательность учреждения общестуденческого секретариата (центрального бюро), который установил бы правильные сношения между отдельными организациями. Съезд находит возможным, чтобы печатный орган издавался при центральном бюро. Для этой же цели желательны периодические съезды представителей студенческих организаций России. Созыв съезда с указанием времени и места предоставляется секретариату. Заканчивая работу, съезд полагает, что он исполнил в пределах возможного свой долг перед студенчеством. Он не хочет убаюкивать учащуюся молодежь уверением в легких победах. Он не хочет закрывать глаза перед суровой действительностью. Конечная цель движения — политическая свобода — вопрос неопределенного будущего, но мы идем к ней твердыми и верными шагами. Правда, наш путь усеян жертвами, и, может быть, еще много придется потерять на этом пути: не одно еще движение вспыхнет и снова погаснет, но какие бы меры ни принимало правительство, оно не может задавить протеста, созданного самою жизнью. Из этого сознания мы должны черпать новые силы. Съезд убеждает товарищей не падать духом от временных неудач и, объединившись, правильно организовавшись, смело встать против гнета самодержавного режима».

Приводя полностью этот недавно доставленный нам документ, приветствуем, с своей стороны, решение студенчества примкнуть возможно теснее к комитетам нашей партии.

Воры повздорили. Телеграфное агентство возвестило 6 февраля о назначении директора департамента общих дел в министерстве вн. дел Трепова таврическим губернатором.

на признание и осуществление наших прав только в том случае, если будем смело, открыто, дружно и настойчиво требовать этих прав.

«В виду всех этих соображений, мы решили обратиться с настоящим письмом к Вам, Мил. Гос., и ко многим другим земским деятелям всех губернских земств — с просьбой оказать содействие в настоящую сессию Губернских Земских Собраний возбуждению, обсуждению и принятию соответственных постановлений по нижеследующим вопросам.

«I. О пересмотре Положения о земских учреждениях и об изменении его в смысле:

а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий при условии значительного понижения имущественного избирательного ценза; б) устранения из состава земства сословных представителей, как таковых; в) освобождения земства во всех его действиях от опеки администрации, предоставления земству полной самостоятельности во всех местных делах, при условии подчинения его законам страны на общих основаниях со всеми прочими лицами и учреждениями: г) расширения компетенции земства предоставлением ему полной самостоятельности в заботах о всех местных пользах и нуждах, поскольку они не нарушают интересов всего государства; д) отмены закона

о предельности земского обложения; предоставления земству самых широких прав в деле распространения всеми способами народного образования, при чем, кроме хозяйственных забот, земству должно быть предоставлено и право наблюдения и улучшения учебной части; ж) отмены вышеупомянутого врачебного устава, угрожающего земской медицине; з) возвращения в руки земства продовольственного дела, а равно и предоставления ему полной самостоятельности в организации и ведении земско-статистического оценочного дела; и) ведения всего земского дела исключительно через выборных земских людей, которые не должны подлежать утверждению администрации, а тем более не должны быть назначаемы помимо воли земских собраний; i) предоставления права земству приглашать земских служащих исключительно по своему усмотрению без утверждения администрации; к) предоставления земству права свободно обсуждать все общегосударственные вопросы, имеющие отношение к местным пользам и нуждам, при чем возбуждаемые земством ходатайства обязательно должны быть рассматриваемы высшими правительственными учреждениями в течение определенного срока; л) предоставления всем земствам права сноситься между собой, а равно устраивать съезды земских представителей для обсуждения вопросов, касающихся всех или нескольких земств.

Многим, читавшим об этом перемещении, осталось, конечно непонятно, что это — ссылка, опала за участие с гг. министрами в казнокрадстве.

На отделку квартиры министра внутренних дел г. Сипягина ассигновано было 300.000. Этих денег оказалось мало в виду безумной роскоши, в которой утопают царь и его придворные. Гнездышко, которое свил себе министр внутренних дел в казенном доме, все было обито самым дорогим штофом, одна люстра в столовой обошлась в 18.000 рублей... Вся отделка обошлась не более не менее как в 700.000 р., то есть превысила смету на сумму в полмиллиона...

После дружеского разговора царского шута, собутыльника, повара, сводника и вместе с тем шефа жандармов — г. Сипягина с царским казначеем г. Витте, у которого все министры находятся на содержании, решено было пополнить перерасход из «свободной наличности»...

Г. Трепов, в ведении коего находились суммы по ремонту, подчинился воле повелителей бедной России.

Между тем, дядя царя, вел. князь Сергей Александрович, из личных счетов доложил царю об этой министерской проделке.

Г. Сипягин все свалил на г. Трепова (проигравшего к тому же не так давно в карты 50.000 руб. казенных денег). Последний был разжалован в губернаторы и, несмотря на усиленные просьбы об аудиенции для восстановления истины, не был допущен пред ясные очи «Ники-Милуши».

Сколько еще худших краж совершается ежечасно, безгласно и безнаказанно в непроглядной темноте царизма?

Голодовка на Шпалерной. Петербургский дом предварительного заключения после многих лет снова увидел в своих стенах «голодный бунт». 31 января несколько человек, сидящих уже более года, объявили голодную забастовку, потребовав своего освобождения. Женское отделение присоединилось к голодовке. Всего (по официальным источникам) голодало 68 человек. В субботу 7 февраля власти обещали удовлетворить требования голодавших. Одного пришлось перевести в больницу с малой надеждой на выздоровление.

«II. О пересмотре и изменении Пол. о крестьянах в смысле полного уравнивания их прав с правами прочих сословий.

«III. Об изменении податной системы в смысле уравнивания податного бремени посредством прогрессивного обложения доходности имуществ и при условии освобождения от обложения известных минимальных доходов.

«Крайне желательно также, чтобы в земских собраниях были подняты и обсуждены вопросы:

«IV. О восстановлении повсеместно мировых судебных учреждений, а равно и об отмене всех законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных.

«V. О предоставлении большей свободы печати, о необходимости уничтожения предварительной цензуры, об изменении цензурного устава в смысле определенного и точного указания того, что дозволено и чего нельзя печатать, об уничтожении административного произвола в цензурной практике и о передаче всех дел о преступлениях в печати исключительно ведению гласного суда общих судебных установлений.

«VI. О пересмотре существующих законов и министерских распоряжений относительно мер охранения государственной безопасности, об устранении в этой области тайного административного „усмотрения“ и о гласном рассмотрении всех дел подобного рода в общих судебных учреждениях.

Обещание свое власти нарушили. Подлежащие освобождению лица были переведены в пересыльную тюрьму, но из них 6 человек оставлены в заключении. Эти 6 человек возобновили 15 февраля снова «голодную забастовку» и в ответ на угрозу искусственного кормления заявили, что в случае приведения ее в исполнение покончат с собой.

Цифровые данные о количестве и составе «политических» в Киеве за 1901 год.

Ежемесячные отчеты «Киевского Красного Креста помощи политическим ссыльным и заключенным», очень аккуратно издаваемые и снабженные списками всех «политических», содержащихся под стражей в отчетном месяце, не говоря уже о той пользе, какую они приносят увеличению средств «Креста», представляют из себя интересный материал, дающий некоторое представление о степени развития оппозиционного движения. Истекший год дал сравнительно небольшое число арестованных, потому что массовые аресты по «студенческому делу», практиковавшиеся раньше, были, как известно, заменены отдачей студентов в солдаты.

Тем не менее общая сумма «политических» г. Киева в 1901 г. достигает довольно крупной цифры — 285 человек, просидевших в тюрьме в общей сложности — 14.335 дней.

Из этого числа — «интеллигентов» было 131 человек (46% общего числа арестованных), пробывших в тюрьме 11.216 дней (78,84% общего числа дней). Здесь бросается в глаза значительно более строгое отношение правительства к интеллигентам, чем к рабочим: процентное отношение времени их заключения значительно выше процентного отношения их численности. Другими словами говоря, на каждого «интеллигента» приходится, в среднем, непомерно большое количество дней «сидения».

Видимо, попрежнему еще правительство считает виновником всех зол «революционную бациллу» — интеллигента и несколько мягче относится к рабочим, введенным в заблуждение «злонамеренными людьми» (это несоответствие может также вызываться той особой бесцеремонностью, которая проявляется при арестах рабочих, когда

«Полагая, что Вы не откажетесь содействовать в Вашем Губернском собрании возбуждению указанных общих вопросов, мы имеем честь выразить Вам нашу просьбу о сообщении могущего быть постановления земского собрания по возможности во все земства через знакомых или известных Вам гласных. Мы надеемся также, что в большей части земств найдется достаточное количество смелых и энергичных людей, которые сумеют провести эти требования через земские собрания. И если мы все единодушно, открыто и в категорической форме предъявим наши справедливые требования, то бюрократия вынуждена будет уступить, как уступает она всегда, когда встречается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы.

Это очень поучительное письмо. Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать против самодержавного правительства. И, если сравнить это письмо с таким, напр., произведением, как предисловие г. Р. Н. С. к записке Витте¹, то первое, на мой взгляд, производит лучшее впечатление.

В письме нет, правда, сколько-нибудь «широких» политических обобщений, — но ведь авторы его и высту-

сплошь и рядом забирают совершенно непричастных лиц. Ред.). Интеллигенты распределяются следующим образом: мужчин — 103 чел. (36,84% общ. числа), пробывших в тюрьме: 10.247 дней (71,47% общ. врем.), а женщин — 28 чел. (9,47% общ. числа), пробывших в тюрьме 969 дней (6,76% общ. врем.); нельзя не отметить более снисходительного отношения к «женской политике».

По роду заключения «интеллигенты» распределяются следующим образом: в предварительном заключении находилось 97 мужчин (34,03%), пробывших в тюрьме 10.147 дней (71,47%) и 25 женщин (9,47%), пробывших в тюрьме 945 дней (6,58%); отбывали наказание — 6 мужчин (2,1%), пробывших в тюрьме 100 дней (0,69%), и 3 женщины (1,05%), пробывших в тюрьме 24 дня (0,18%). Впервые в прошлом году наша тюрьма стала служить не только для предварительного заключения, но и для отбывания наказания «политических».

Заключенных по политическим делам рабочих в 1901 г. было — 154 чел. (54% общ. числа), пробывших в тюрьме 3.019 дней (21,16% общ. врем.). Мужчин из числа рабочих было — 138 чел. (48,08%), пробывших в тюрьме 2.707 дней (14,91% общ. числа), а женщин 16 чел. (5,61%), пробывших в тюрьме 312 дней (2,18%), из них: в предварительном заключении находилось: 93 мужч. (32,63%), пробывших в тюрьме 1.778 дней (12,47%) и 9 женщин (3,15%), просидевших в тюрьме 171 день (1,22%); отбывали наказание: 45 мужчин (15,79%), пробывших в тюрьме 929 дней (5,45%), и 7 женщин (2,39%), пробывших в тюрьме 141 день (0,96%). При чтении этих цифр нельзя не обратить внимание на большой по сравнению с «интеллигентами» процент рабочих, отбывающих заключение в качестве наказания.

Итого: 285 политических распределяются следующим образом: мужчины — 241 чел. (84,92%), пробывли в тюрьме 13.054 дня (91,06%), женщины — 44 чел. (15,08%), пробывли в тюрьме 1.281 день (8,94%).

Время, проведенное всеми 285 «политическими» в киевских тюрьмах в течение 1901 г., выраженное в годах, составляет в общей сложности 39,27 лет!

Нельзя не пожалеть, чтобы киевский «Красный Крест» продолжал выпускать месячные отчеты и чтобы другие «Кресты» последовали бы его примеру.

Желательно также, чтобы в отчетах этих помещались бы более подробные сведения о «политических»: по ка-

кому делу привлекается? род занятий? рецидивист? и т. д. Регулярное издание таких отчетов в течение нескольких лет могло бы представить точные данные о движении политической «преступности» в России.

К национальному бесправию поляков. Врешенская история в Германии *, возмущившая культурное население всего мира, естественно должна бы вызвать в нашей несчастной русской Польше взрыв самого острого негодования. Самодержавная политика порабощения и подавления национальности встретила на этот раз отпор в совсем еще юных честных сердцах польской молодежи. «Отеческое попечение» самодержца в отношении польской молодежи выражается в том, что гимназиям-полякам запрещено между собою говорить по-польски, учебники польского закона божия составлены по-русски, ксендз должен вести преподавание на русском языке. Так поставлено дело не только во всех вообще русских гимназиях, где имеются ученики-поляки, но и в коренных польских областях. Вслед за Врешенскими событиями наиболее национальное чувство Польши выразило свой протест против того порядка вещей, естественным следствием которого являются подобные события. Приведу вам здесь дословно письмо одного гимназиста Седлецкой гимназии. «19 января я отправился в гимназию в 8¼ час. Не доходя гимназии, я заметил, что окна в седьмом классе выбиты, а возле гимназии толпа и гимназические сторожа собирают книги, как оказалось, вылетевшие из седьмого класса. Я быстро вбежал в гимназию и тут узнал следующее: в седьмом классе шел урок польского закона божия. Перед концом урока все ученики-поляки этого класса встали и потребовали у ксендза, чтобы закон божий формально преподавался на польском. Ксендз заявил, что ему не предоставлено издавать новые законоположения и, не желая терять место, он должен подчиниться

* В Врешене ученики школы были подвергнуты телесным наказаниям за предъявленное ими требование обучения закона божьего на польском, а не немецком языке. В ответ на эту расправу, родители учеников произвели демонстрацию, за которую суд их приговорил к долгому тюремному заключению.

пают не с «программными» заявлениями, а со скромным советом, как практически начать агитацию. Нет у них «полета мысли» даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободе, но зато нет и фраз о близких к престолу лицах, которые могли бы, пожалуй, повлиять на царя. Зато нет у них и фальшивого превознесения «деяний» Александра II, а, напротив, сквозит насмешка над «великими реформами» (в кавычках). Зато они находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против «земцев-оппортунистов», не боясь объявить войну «позорной трусости», не подделываясь к особенно отсталым либералам.

Мы не знаем пока, какой успех имело воззвание старых земцев, но почин их кажется нам во всяком случае заслуживающим полной поддержки. Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширилось движение, начатое рабочими, распространившееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости.

Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него, — тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя.

Пошлем же привет новым протестантам, — а след., и новым нашим союзникам. Поможем им.

Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы — богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие.

Вы видите: они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы. Ведь если рабочие боролись за такое требование, как отмена «Временных правил», — чтобы выразить протест

власть имущим. Тогда раздались крики *vivat*, полетели стекла, посыпались книги и калоши в ксендза. Директор, инспектор и классный наставник Соловьев побежали в седьмой класс. Ксендз, бледный как полотно, дрожа от страха, выбежал из класса. Тогда к ученикам 7 класса присоединились ученики-поляки 5, 6 и 8 классов и сообща настаивали на своих требованиях. Директора, вбежавшего в класс, засыпали калошами; катехизисы рвались, кафедру поломали. Говорят, что до 200 учеников будет исключено. Был здесь окружной инспектор и производил следствие. В здании гимназии постоянно шныряют сыщики, в числе 8, специально присланные из Варшавы и следящие за каждым шагом гимназистов.

Старая история. (Рассказ со слов крестьян-очевидцев.) По Варшавской ж. д. недавно везли в Спб. арестованного в Минске молодого человека, кажется, сына какого-то фабриканта (была арестована типография). Позд прошел ст. Псков и приближался ко второй станции Новоселье. Арестованный улучил момент и выскочил из вагона. Жандармы, сопровождавшие свою добычу, остановили поезд и пытались поймать его своими силами, но этого им не удалось. Поезд двинулся дальше, и со станции Новоселье дана была телеграмма в Жуковское волостное правление с приказанием устроить облаву и изловить бежавшего. Исполнительные деревенские власти поспешили произвести требуемую от них операцию, учиненная облава никаких результатов не дала, и крестьяне разбрелись по домам. Замешкался как-то один лишь участник облавы, присел на лесной опушке и приготовился закурить. Но не успел он свернуть себе «цыгарку», как прямо на него набежал из лесу предмет тщетных поисков. Воля начальства была исполнена, и беглец доставлен в волостное правление, куда собрался весь деревенский мир посмотреть, какого такого злодея поймали. Все почтенное общество было очень удивлено совсем не злодейским видом «злодея», и любопытство собравшихся еще более возросло. Стали расспрашивать, как это так барин попал в столь неприятное положение и за что его преследуют. В волостном правлении раздалась никогда неслыханная его промозглыми стенами страстная

революционная речь. «Барин» рассказал миру все: откуда идет всяческое зло и неправда, как он хотел бороться с этой неправдой, как начальство выслеживало его, как, наконец, схватили и повезли в Питер судить шемякинским судом. Долго говорил «барин» и, должно быть, говорил хорошо, потому что «прошиб слезу» у окружающих. На столе появились нехитрые деревенские угощения: несли кто что мог. Мир жалел «барина», не забыл и себя пожалеть: начали горячо толковать, что такого хорошего человека не в тюрьму бы садить, а им бы, горемычным мужикам, в земские начальники... Затем последовал финал: со слезами на глазах «барину» скрутили руки назад и, громко сетуя на жестокое начальство, передали его в руки полиции.

Нижний-Новгород. 15-го вечером в театре состоялось чествование Гоголя. Народу была масса. Публика самая разнообразная, много учащихся, есть и рабочие. С самого начала можно было заметить, что публика, главным образом, учащиеся, неспокойна — все волнуются, все напряженно ожидают чего-то. Полиции и жандармов было еще больше обыкновенного, много перодетых шпионов сидело в публике. Начался апофеоз — внимание всех было обращено на сцену. К бюсту Гоголя подходили артисты, изображавшие разные типы, и становились вокруг. Электрические лампочки изображали «50-летие Н. В. Гоголя». В тот момент, когда лампочки вспыхнули, заиграла музыка и хор запел «славу», — вдруг с разных сторон звонились листки — прокламации. Кто-то крикнул: «Да здравствует политическая свобода», в ответ раздалось «браво», «ура», но все это заглушалось музыкой и пением славы. Прокламации в большом количестве падали наверху, летели вниз, много попало в логи. Публика тотчас бросилась их поднимать, ловила, хватала, читала. Некоторые отнесли их к чествованию Гоголя, но большинство понимало в чем дело. Какая-то гимназистка, засовывая листок в карман, говорит: «Ах, это о Гоголе, прочту дома». Не обошлось без курьезов. Полиция велела театральному лакею подбирать листки, не объяснив, зачем это нужно. Он набрал сколько мог и, встав в дверях, начал раздавать публике, думая тоже, что это входит в программу чествования.

против самодержавия, — то не менее значительным поводом может явиться и надругательство администрации над каким ни на есть, а все же: «самоуправлением»!

Но тут останавливают нас всякие явные и тайные, сознательные и бессознательные сторонники «экономизма». — Для кого нужна поддержка рабочими земцев? спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей? Не для одной ли буржуазии, пожелания которой не идут дальше «живой борьбы экономических групп страны»?

Для кого? Да прежде всего и больше всего — для самого рабочего класса. Этот «единственный действительно революционный класс» современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался всяким поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты - земцы и крепостники - помещики) союзники.

Давайте же внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства, с уступкой правительства обществу в 60-х годах, с лживыми речами царей и их тактикой: сначала давать «похлебку» вместо «права первородства», а потом (опираясь на это сохраненное ими «право первородства») отнимать и самое похлебку. Пусть рабочие учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всех ее проявлениях. Это распознавание необходимо и для нашей борьбы за наше «право первородства», за свободу для борьбы пролетариата против всякого экономического и социального угнетения. Будемте читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству, будемте пускать листки по поводу земских протестов, будем готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько-нибудь честной земщины царским правительством пролетариат мог ответить демонстрациями против помпадуров - губернаторов, башибузуков - жандармов и иезуитов - цензоров. Партия пролетариата должна научиться преследовать и травить всякого слугу самодержавия за всякое насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы.

[Н. Ленин]

Мне бросилась в глаза маленькая, но характерная сценка.

Какой-то человек, по виду рабочий, старается наложить в карман как можно больше листов, чтобы потом, может быть, раздать их товарищам. Неподдалеку одна весьма либеральная дама. Осторожно оглядываясь кругом, она незаметно наступает ногой на листок и, выждав некоторое время, поднимает и прячет его, вполне довольная своей изобретательностью.

Полиция, разумеется, суежилась страшно. Тотчас бросилась «узнавать», но ничего не могла поделать, так как было слишком тесно. Публика разошлась с листочками в карманах, одобряя «ловкую штуку».

В эту же ночь (с 15 на 16) были произведены повальные обыски и много арестов. Предписание об этом было, говорят, дано еще раньше из Питера, вероятно, в виду могущих быть волнений. Число всех обысков еще не приведено в известность, во всяком случае их больше 30, считая в том числе аресты.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ярославль. Кроме Мануфактуры, на которую обращено исключительное внимание, у нас много еще всяких небольших заводов от 50—200 раб. Это — валяльный завод наследн. Свешникова, химические заводы Дунаева, Сорокина, несколько табачных фабрик, мельниц и водочный завод. Положение труда на этих заводах самое печальное. На белильный зав. Сорокина идут только люди, которым приходится умирать с голоду; теперь же таких людей очень и очень много. За верную смерть (месяца через два уже происходит отравление свинцовыми белилами; городская больница регулярно получает умирающих с этого завода) рабочие этого завода получают сущие гроши: хозяева ценят человеческую жизнь дешевле издержек на необходимые гигиенические приспособления. Это маленькое, низенькое здание является прямо капиталистическим застенком. Невозможные санитарные условия — язва этих маленьких заводов. Рабочие табачных фабрик после работы выглядят какими-то ненормальными. Табачная пыль раз'едает глаза, спирает грудь, вызывая постоянный кашель; длинный рабочий день, который приходится весь простоять на ногах, совершенно изнуряет рабочего. «Э, где уж нам читать!», — отвечают рабочие на предложение почитать, и тем не менее пропаганда социал-демократических идей прививается и там. Один из фабрикантов Вахрамеев закрыл школу после того, как нашел нелегальную книжонку на дворе. «Вот оно для чего я строил!» — говорил обожженный в лучших своих чувствах капиталист. На валеном заводе Свешникова царствуют нравы по Домострою. В 9 час. веч. рабочих запирают, и никто уже не смеет проникнуть за ворота; хозяин не редко «ласкает» рабочих, как может только «ласкать» хозяин. Раньше на Свешникова работали кустари-валяльщики, теперь на смену им пришел завод, взял их власть машины, и побежденные кустари смиренно переносят хозяйский гнев, хозяйскую любовь.

По поводу введения усиленной охраны здесь распространена прокламация ко всем рабочим.

После этого было арестовано 20 рабочих.

Ярославль. В январе 1902 г. на табачной фабрике Вахрамеева была небольшая забастовка. Большинство рабочих работает сдельно. Зарботная плата крайне низкая: колеблется между 3 и 8 рублями, но при этом рабочие получают хозяйский обед. Забастовали женщины, которые развешивают табак. До рождения они получали по 2½ коп. с ящика, в который уходит 400 осьмушек; в январе же их заставили развешивать пачками в $\frac{1}{10}$ фунта, и таких пачек в ящик уходило 800, а с ящика стали платить только по 4 коп. Работницы же требовали, чтобы

плата была увеличена до 5 коп. с ящика. Требование их было удовлетворено.

19 февраля Ярославский Комитет выпустил листок к ярославским рабочим, в котором после изображения условий освобождения крестьян в 1861 г., сказано:

«Теперь мы знаем правду и теперь мы, рабочие, борющиеся за лучшую жизнь, не дадим обмануть себя попам и прочим царским прихвостням. Мы хорошо знаем, что та свобода, которой добились наши отцы и деды, еще не вся та свобода, которая нужна нам, рабочим. Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода сходов и стачек, слова и печати. За эту свободу мы поведем жаркую борьбу. Этой свободы мы добьемся, когда будет созван всероссийский земский собор, в котором будут выбранные от нас, рабочих, и от крестьян. Этот земский собор возвратит крестьянам отрезки, отменит выкупные платежи, уничтожит телесное наказание. Этот земский собор издаст законы, сокращающие рабочий день и дающие нам, рабочим, свободу стачек и собраний, слова, союзов и печати. Только тогда мы сможем успешно бороться за лучшее будущее. Организуйтесь же, товарищи, к предстоящей борьбе за земский собор. Всюду несите весть о грядущем освобождении русского народа от ярма самодержавия, зовите к этой борьбе и обманутых, ограбленных царем крестьян. Борясь не только за свои рабочие интересы, но и за интересы всего русского народа, мы сломим, наконец, самодержавное правительство, и праздник, который мы будем праздновать тогда, будет не 19 февраля, день одурачения народа самодержавием, а день освобождения народа от самодержавия».

Романов, Ярославской губ.

При льнопрядильной фабрике Классена (до 900 чел. рабочих) существует фабричная лавка, которая, повидимому, предназначается для пополнения прибылей хозяев, потому что цены в ней сравнительно с рыночными непомерно высокие, например, в вольной лавке — пуд муки 90 коп., а в фабричной 95 к., масло скоромное 32 к., а в фабричной 35 к., масло постное 18 к. и 18½ к., а в фабрич. 20 коп., фунт мяса 8—9 коп., в фабрич. 10—12 коп. При этом рабочие должны брать тот товар, который им предлагают, некоторая же разборчивость при выборе продуктов считается вздорными претензиями. При фабрике существуют казармы, которые разделяются на артельные и каморки, длиной 2½ сажени и 5 аршин шириною; в каждую каморку назначают по две семьи, кроме того еще холостяков и подростков, так что всего набирается в каморке не менее 8 человек. Каждая семья платит по 1 р. 50 коп., холостые рабочие по 50 коп., а подростки по 25 коп. Удушливый воздух и страшная грязь — вот чем отличается внутренность казарм.

Из Нижнего. Летучие листки выходят здесь чуть не ежедневно, в них обыкновенно доводятся до сведения события в других городах, иногда они пишутся на общие темы. Издает их не социал-демократическая, но дружественная организация. «Рабочий Летучий Листок» издается социал-демократической группой, не входящей в Комитет. Направление ее довольно неопределенное, отчасти окрашенное экономизмом. Об ее настроении можно отчасти судить по тому листку, в котором она приглашала заграничные организации «прекратить братоубийственную рознь».

Рабочие относятся к листкам в высшей степени сочувственно, сами требуют листов. Листки попадали даже в соседние деревни и на такие заводы, где еще не было связей. Настроение особенно повысилось в Сормове. Стали поговаривать, что будет «бунт». В городе уже образовалась атмосфера тревожных слухов, постоянно приходится слышать: «а в Сормове бунт, потребительную лавку разнесли» и т. п.

Севастополь. После нового года между севастопольскими рабочими разошлась прокламация, призывающая к борьбе против царского самовластия. После

этого арестовали одного рабочего, у которого при обыске нашли много литературы. В конце января по городу и особенно между матросами военного флота было распространено «Письмо к фельдфебелю» Л. Толстого. У матросов в экипажах и на военных судах эту зиму стали производить поголовные обыски. Вызывают команду, приказывают выстроиться в ряд и тогда по-порядку ощупывают матросов и обыскивают их скудные пожитки. Такие обыски производятся за последнее время часто, но безуспешно — вещественных доказательств крамолы не находят.

Но в первых числах февраля нашли крамолу и нашли ее там, где совсем не ожидали — в канцелярии штаба Черноморского флота. Там у матросов-писарей открыли не только антиправительственную литературу, но и не разрешенный гектограф. Кроме того, нашли литературу на одном из военных судов и в канцелярии 34 экипажа, где офицер застал врасплох писаря, перепечатающего прокламацию.

Офицеры флота хотят подать, куда следует, ходатайство, чтобы в Севастополь впредь не пускали политических поднадзорных. Некоторые из них хотят даже предложить деньги, чтобы выслали отсюда проживающих здесь политических.

Батум. На заводах Манташева, Ротшильда, Акова и др. с 5-го по 18 февр. продолжалась стачка 600 — 700 рабочих. Требовали улучшения условий труда, отмены штрафов, сокращения рабочего времени, приема уволенных товарищей. На заводе Манташева избили и поранили управляющего. Была стычка с полицией. Арестовали до 150 чел., но через несколько дней выпустили их по требованию рабочих. Стачка кончилась для рабочих победой.

Сулин, Донской области. 18 и 19 февраля на большом металлургическом заводе Пастухова в Сулине произошли крупные беспорядки, которые заключались в следующем: в виду общей безработицы на заводе были понижены расценки; недовольные этим рабочие одного из цехов 18 февраля обратились к дирекции с требованием сохранить старую расценку, угрожая, в противном случае, прекратить работу. Мирные намерения рабочих были обращены, однако, в другую сторону, благодаря следующему случаю: во время объяснения с инженером, фамилия которого, к сожалению, еще неизвестна, один из рабочих обратился к нему с вопросом; инженер грубо оборвал рабочего и приказал ему удалиться; рабочий бросился тогда на инженера, который в свою очередь вынул револьвер и направил его на рабочего, последний отскочил в сторону, но инженер, несмотря на это, выстрелил в толпу, к счастью шальной выстрел никому не причинил вреда, кроме, впрочем, самого инженера: возмущенные диким поступком, рабочие бросились на инженера, и только благодаря энергии некоторых рабочих дипломированный эксплуататор избег верной смерти. На следующий день, 19 февраля, давно накопившееся недовольство рабочих вылилось в форме разгрома завода и квартир высшей заводской администрации: в машинном отделении была разбита машина, разнесена контора завода, уничтожены вещи в квартирах нескольких инженеров; разгрому подверглись только квартиры тех лиц, которые не пользовались уважением рабочих: во время беспорядков из толпы не редко раздавались голоса: «этого не трогай! Проходи дальше!». Между прочим разнесена квартира инженера Шелгунова, сына покойного публициста Н. В. Шелгунова. Немногочисленная полиция была бессильна прекратить беспорядки и потому, говорят, обратилась за помощью к рабочим, стоявшим в стороне от движения; некоторые из рабочих помогли полиции выхватить из толпы «зачинщиков» и вообще подавить беспорядки. Когда на следующий день из Александровска-Грушевского прибыла сотня казаков, ей нечего было делать: беспорядки прекратились. Несколько человек арестовано. Работы теперь возобновились.

Таганрог. Общая безработица отразилась, разумеется, и в Таганроге, и с наступлением зимы Касперовка — предместье, населенное рабочими металлургического завода — имела вид голодающей русской деревни. Между тем администрация завода решила еще более урезать и без того ничтожный заработок рабочих. Перед новым годом появилось объявление, что с половины января расценки будут понижены на 25% и что часть рабочих — около 200 чел. — будет совершенно рассчитана. Рабочие решили сопротивляться: 29 декабря доменный цех — в количестве 300 чел. — объявил забастовку. Главным требованием их было: не понижать расценок и не увольнять товарищей. К ним вскоре присоединились рабочие листопркатного цеха в количестве 350 чел., которые со своей стороны добавили требование сократить рабочий день на 1 час. На заводе были распространены гектографированные прокламации, приглашавшие поддержать забастовавших товарищей, и стачка угрожала принять огромные размеры. Домны были потушены, работы прекратились. Перепуганная администрация вытребовала по телефону из города полицию и артиллеристов. Отряд полицейских застрел в непролазной грязи и принужден был ртироваться. Полициймейстер распорядился было отвезти городских на пожарных дрогах, но и эта попытка была безуспешна. Кончилось тем, что городовые стали выпрягать лошадей у всех попадавшихся по пути извозчиков и двинулись в Касперовку верхом; все улицы Таганрога, к изумлению местных обывателей, покрылись распряженными пролетками.

Между тем рабочие успели разойтись по домам, и усмирять было некого. Тогда начались аресты и около 30 чел. было выхвачено из среды забастовщиков. Со своей стороны заводское начальство принялось запугивать рабочих и добилось того, что около 30 челов. приступило к растопке доменных печей. Лишенные руководителей, под сильным давлением мастеров и полиции, и остальные стали понемногу сдаваться: к новому году все работы возобновились. Помимо этого администрация сделала рабочим некоторые уступки: напр., требование не увольнять товарищей было исполнено.

«Патриотическая» манифестация в Москве (из письма рабочего).

«За несколько дней до 19 февраля агенты г-на Зубатова начали агитировать среди фабричных рабочих, чтобы устроить подписку на приобретение венка для возложения на памятник Александру II, на что многие из рабочих подписывали, кто 20 коп., а кто и рубль. Денег собрали столько, что могли приобрести серебряный венок. 19 февраля около памятника собралось тысяч 50 народа. К народу вышел московский богдыхан Сергей² и сказал подходящую к случаю речь, после чего народ упал на колени и кричал или ревел подходящие случаю звуки. А на следующий день все рабочие, подписавшиеся на венок, получили от своих хозяев каждый в 5 раз больше того, сколько подписал. По слухам, на эту затею Охранное Отделение израсходовало 100.000 руб.»

«Московские Ведомости» с умилением рассказывают об этой манифестации, инициатива которой, как сообщают газеты, исходила от «Общества рабочих механического производства», т. е. от «партии» гг. Озерова и К°. Мы не совсем понимаем восторгов почтенной газеты, правда, москвичи чествовали память царя, но ведь они делали это только потому, что этот царь рисуется в их представлении как освободитель крепостных. И хотя это представление исторически неверно, но самая идея чествовать царя за такой несвойственный царским нравам поступок, так сама по себе «соблазнительна», что до сих пор празднование дня 19 февраля считалось преступлением. Ведь еще в прошлом году харьковские студенты были избиты за панихиду по Александру II.

Очевидно, дело с «основами» обстоит плохо, если нельзя вызвать народной манифестации в пользу царизма по иному поводу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

События в Барселоне.

«Социальная революция в Испании» *, «Коммуна в Барселоне» ** — таковы заглавия статей, помещенных в органах Европы, не скованных цензурой Мадрида. Естественно, что при таком шуме в Европе, события, которые его вызвали, должны были быть — первостепенной важности. Постараемся, при всем сумбуре имеющихся противоречивых известий, выяснить причины и проследить ход событий в Барселоне, раз'яснить роль, сыгранную тут испанским правительством, и манеру его защищать буржуазный строй...

Прежде всего нужно сделать оговорку относительно помещенных в различных органах, даже социалистическом («Vorgwärts»), заметок и сообщений о том, что в движении барселонском — его ядро, так сказать — составляли анархические массы... Нам кажется совершенно правильным мнение, высказанное корреспондентом «Journal»: «ядро движения составляли рабочие организации, участвовавшие в стачке и тем парализовавшие совершенно коммерческую и общественную жизнь в Барселоне, а анархистские элементы принимали участие лишь в стачках с полицией и в сражениях с армией...».

Уже несколько раз была речь в барселонском рабочем люде о генеральной стачке ***: раз в 1900 г. во время приостановки работы в ткацких и прядильных мастерских, раз в 1901 г. во время стачки служащих конок. Тогда была пущена прокламация, в которой обращались с призывом **** каким бы то ни было актом солидарности, выражением ли симпатии по отношению к стачечникам, митингами или манифестациями увеличить моральную силу правого дела.

«Так как обстоятельства могут пойти ускоренным шагом, мы вас предупреждаем, что мы готовы на все и что сигнал дан будет из Барце-лоны». Подписано: «Местный Комитет»...

Обстоятельства действительно пошли быстро...

Ужасное положение пролетариата в Испании вообще, постепенное вздорожание предметов первой необходимости, оставшиеся без результатов усилия рабочих повысить хоть немного заработную плату и уменьшить рабочий день — это первые причины настоящего движения. Кроме того, утомленный полным бездействием правительства, которое ничего не сделало для разрешения экономического кризиса, которое не предприняло ни одной мало-мальски важной социальной реформы, пролетариат решил косвенно генеральной стачкой произвести давление на правительство.

17 февраля состоялось до 45 митингов в Барселоне, была постановлена генеральная стачка и была выпущена, распространенная в громадном количестве, прокламация приблизительно следующего содержания:

«Прошла масленица!... *****». В то время, как буржуазия тратила свои деньги на конфетти, на маскарадные костюмы, на балах и в ресторанах, — тысячи рабочих голодали!...

«Теперь начался пост... Нам нечего есть. Наше терпение исчезло. В виду такого отношения к нам буржуазии, примемся решительно за дело.

«Вперед, товарищи!.. Бросим работу! Пусть все прекращают труд... Пусть чувствуют вампиры-капиталисты... Будем все без пищи, без питья, в темноте...

«Наши враги сдадутся... Покажем капиталистическим классам, что без рабочего общественного жизнь невозможна».

Генеральная стачка 17 февраля началась. Не только рабочие всех крупных фабрик, заводов, но все приказчики *****; ремесленники, служащие в аптеках, носильщики, служащие конок *****; извозчики, кучера, швей-

цары, дворники, слесари, ламповщики, столяры, булочники, скульпторы, граверы, типографы, рабочие в портах, каменщики приняли участие в этом колоссальном движении. Особенно интересно заявление типографов, которых экономическое положение превосходно и к которым патроны относятся безукоризненно: «Мы довольны нашими патронами, но из чувства рабочей солидарности мы участвуем в стачке!» *.

«L'impatciela» (Испания) признает, что рабочая солидарность достигла громадных размеров, а посланный французским социалистическим комитетом привет испанскому пролетариату буржуазные органы называют с ужасом «революционной солидарностью»... **.

В первый же день генеральной барселонской стачки войска, хоть и видели только беззащитных женщин с красными знаменами, все-таки не удержались, имея в руках оружие, от стрельбы. Последовало столкновение с рабочими, и три дня спустя после кровопролития в Триесте снова полилась рабочая кровь в Барселоне... 3 на смерть убитых, 9 смертельно раненых и 35 тяжело раненых — результат первой бойни... На улицах воздвигаются баррикады... Кое-где еще открытые лавки, киоски закрываются... Наступает полная тишина, прерываемая выстрелами солдат да топотом конных патрулей... В палате буржуазные партии упрекают правительство в недостатке энергии... Правительство обещает быть на высоте своего полицейского призвания — обещает точно выполнять требования деспотического капитализма и объявляет Барселону на военном положении. Один только Леру заявил в палате, что порицает правительство за строгости против пролетариата, в то время как их следует направить против ответственной за все буржуазии, и клеймит пускание в ход военной силы против пролетариата ***.

20 февраля закрылись одни только еще работавшие в такое тяжелое время для рабочих каучуковые фабрики. Наступил полнейший паралич всей жизни города с 600.000 населением. Мощностъ городского пролетариата сказалась здесь, несмотря на то, что полной подготовки к этой стачке, судя по заявлениям «El Socialista», не было... 20 февраля весь день прошел в стычках с армией, масса раненых, убитых; то же последовало и 21-го... (Буржуазия начинает выезжать из Барце-лоны).

«Сто убитых, триста раненых, пятьсот заключенных — таков результат восстановления мира и тишины правительством (до 22 февраля)». «Стачекников в самом городе 70.000 — в провинции же всей вместе — 200.000. Цифры эти нисколько не преувеличены — последствия покажут, что эти вычисления очень умеренные... ****».

Барселона оказалась в этот день изолированной от всего внешнего мира; телеграфные и телефонные сношения порочены. На всех улицах стоят отряды конницы, очень напоминающие всем русским казакам! (Удивительное дело, когда хотят сделать особый комплимент возмутительной манере войск — говорят о русских казаках!).

Репрессалии, — пишет буржуазный корреспондент, — были более дики, чем террор, царивший в городе от рабочих. Жандармы вели себя, как «разъяренные звери». По осадному положению они имеют право убивать без распоряжения властей, а по своему личному произволу и этим правом они широко пользовались.

Рабочие выходят из дома патронов, которым они делали самые миролюбивые предложения, — стоящий неподалеку жандарм стреляет — один из наших товарищей остается жертвой палача на месте...

«Рабочих убивают как бешеных собак» — не только тех, кто сопротивляется, манифестируют, — а просто тех, кто кажется жандармам подозрительным. В Красный Крест, подававший помощь раненым, жандармы стреляли несколько раз.

В этот день была ко всему еще пущена в ход артиллерия. Это — апогей буржуазного насилия, восстановления буржуазным правительством спокойствия. С этого момента революционное и стачечное движение идет на

* «Berliner Tageblatt», 24, 25 февр.

** «Le Journal», 23 февр.

*** «Frankfurter Zeitung».

**** «Petit Sou», 21 февр. 1902 г.

***** «Petit Republique», № 20/II — 1902 г.

***** «Frankfurter Zeitung».

***** «Petit Sou», 20/II — 1902 г.

* «Le Journal» (Франция), 20/II — 1902 г.

** «L'etoile Belge», 23 февр.

*** «Petit Sou», 21/II — 1902 г.

**** «Le Journal», 23/II — 1902 г.

убыль — отчасти из-за недостатка средств к существованию стачечников, отчасти из-за неподготовленности; к тому же стачечникам рабочим металлургических заводов были сделаны требуемые уступки: составлена комиссия, смешанная из рабочих и представителей компании для рассмотрения их требований.

Вот вкратце далеко не полный отчет о варварской манере охраны существующего ужасного порядка вещей в Испании.

ИЗ ПАРТИИ

Пolemика «Зари» с редакцией «Vorwärts». Статья о Любекском съезде германской социал-демократии, помещенная в № 2—3 «Зари», вызвала против ее автора резкую полемику со стороны редакции центрального органа германской социал-демократии «Vorwärts». Это неудивительно. Статья в «Заре» была посвящена рассказу о подвигах немецких бернштейнцев, а нынешняя редакция «Vorwärts», после смерти Либкнехта, проявила довольно податливое отношение к Бернштейну и его сторонникам. Из этого факта не следует, однако, заключать, что большинство германской социал-демократической партии на стороне Бернштейна: достаточно много фактов свидетельствует о том, что нынешняя редакция «Vorwärts» вовсе не выражает взглядов большинства германского организованного пролетариата. На Любекском конгрессе редакции «Vorwärts» пришлось выслушать некоторые горькие истины от Бебеля и других делегатов. Между прочим, Бебель³ упомянул и о том, что во время борьбы «умеренных» и «крайних» в французской социалистической партии «Vorwärts» сообщал немецким читателям о событиях во французской партии очень односторонне и пристрастно. Понятно, что пристрастие это было направлено в пользу Жореса⁴ и его фракции и против гедистов⁵ и бланкистов⁶.

Автор статьи в «Заре», с своей стороны, охарактеризовал поведение «Vorwärts» во французских партийных делах как систематическое преследование тех французских социалистов, которые неуклонно стояли на классовой точке зрения, и пропаганду в пользу тех из них, которые, во главе с Жоресом, предавали интересы пролетариата в интересах «социалистического министра» г. Мильерана⁷. Французский отдел в «Vorwärts» ведется, главным образом, г-м Кричевским⁸. Поэтому соответствующее место в статье «Зари» было направлено прежде всего против г. Кричевского.

Редакция «Vorwärts» немедленно напала на сотрудника «Зари», обвиняя его в недобросовестной клевете на Кричевского. «Vorwärts» заявил, что Кричевский никогда не вел пропаганды в пользу Мильерана и Жореса и никогда не «обливал помоями» французских революционных социал-демократов. Заметка «Vorwärts» была приправлена неприличной выходкой против «анонимности» автора (гг. бернштейнцы до того «лояльны», что, как видно, даже не могут себе представить, что русский социалист вынужден отказаться от чести печатать свое полное имя!) и заключала в себе одно неправильное толкование слов «Зари». На эту неправильность поспешил обратить внимание редакции К. Каутский в письме, которым он, по собственному заявлению, желал предупредить лишнее раздражение в необходимо имеющей разгореться полемике. Редакция «Vorwärts» не только не захотела понять всю основательность разъяснений Каутского, но и грубо отвергла его вмешательство в ответе на его письмо. Новое письмо Каутского имело такой же неуспех, и редакция сделала вызов «Заре», чтоб она сама объяснилась по поводу приведенных к ней обвинений.

Автор статьи в «Заре» написал тотчас же обстоятельное письмо в редакцию «Vorwärts», в котором многочисленными цитатами из прежних корреспонденций Кричевский доказал свое утверждение, что Кричевский вел пропаганду в пользу Жореса и Мильерана и восстанавливал немецких читателей против действительно пролетарских партий — гедистов и бланкистов. Но редакция «Vorwärts» не захотела помещать такого письма, хотя оно было на-

писано без всякой «резкости». Она заявила, что не намерена затевать принципиальной полемики по таким, якобы неинтересующим немецких рабочих вопросам, а потому требовала, чтобы сотрудник «Зари» удалил из своего письма доказательство.

Пришлось обратиться к правлению партии и лишь при его посредстве «Заре» удалось побудить «Vorwärts» поместить письмо Ignotus⁹, но в сильно сокращенном виде. Добрую половину цитат пришлось удалить, чтоб не затягивать «торга» с редакцией.

В ответ на это письмо «Vorwärts» разразился новой бранью и обещал победоносный ответ г. Кричевского. В этом ответе г. Кричевский изумляется по поводу того, как-де мало цитат из его статей привел Ignotus в доказательство мильеранизма Кричевского. Пусть потолкует об этом г. Кричевский с редакцией «Vorwärts»: она ему расскажет, что в подлиннике письма Ignotus'a этих цитат было много больше! Далее Кричевский пытается показать, что он и в 1899 и 1900 г. иногда критиковал Мильерана и Жореса. Он признает, что умолчал в своих корреспонденциях о резолюциях рабочих организаций против законопроектов Мильерана, но уверяет, что сделал это не из пристрастия к Мильерану, но потому, что в то время как раз был занят русскими делами и не мог написать в «Vorwärts». Кто так оправдывается, тот сам себя обвиняет.

Очевидное нежелание «Vorwärts» дать ей возможность выяснить вопрос немецкой публике заставляет «Зарю» отказать от дальнейших разговоров с редакцией этой газеты. «Заря» может быть удовлетворена тем, что по поднятому ею вопросу высказались Парвус¹⁰ (в особой статье о корреспонденте «Vorwärts»), Цеткина¹¹ (в реферате, прочитанном в Берлинском рабочем собрании) и орган французской рабочей партии «Socialiste». Все они подтвердили правоту нашего мнения о позиции, занятой корреспондентом «Vorwärts» в делах французского социализма.

Среди французских гедистов и бланкистов имя Кричевского, благодаря этой полемике, стало очень «популярно», что видно из следующих фактов: один бывший гедист, рассорившийся с своей партией, издал прокламацию, в которой нападает на мнимую «диктатуру» вождей партии и провозглашает полную независимость местных групп. По этому поводу «Petit Sou», орган гедистов и бланкистов, говорит, что эта прокламация привела в восхищение «Кричевских» международного поппублицизма, в том числе и того, который пишет в «Vorwärts». В другом № «Petit Sou» сообщается о полном разложении министерской «социалистической» партии, и автор дает дружеский совет гг. «Кричевским» принять во внимание, что дела жоресизма плохи и дни его сочтены.

И, действительно, в самое последнее время г. Кричевский переменил фронт. От Мильерана он окончательно отказался уже после приезда Николая II в Париж. Теперь же он стал отрешиваться и от Жореса, который, в течение 2-х последних лет, был его идолом. Теперь он с сокрушением констатирует то, что все принципиально-устойчивые люди видели уже давно, — именно, что Жорес променял пролетарский социализм на мелкобуржуазный демократизм. И теперь он не щадит своего поверженного кумира, не скрывает от читателей «Vorwärts» и «Рабочего Дела» (см. № 11—12) вредной роли, которую играет Жорес и его партия во французском рабочем движении. Более того: теперь Кричевский начинает проявлять признаки сочувствия деятельности гедистов и бланкистов; после того, как он в течение 2-х лет уверял, что они — главная помеха делу объединения французского пролетариата, теперь он выражает слабую надежду, что вокруг них-то и совершится сплочение французских пролетарских сил. Очевидно, дела Жоресистской партии совсем-таки плохи: крысы начинают покидать тонущее судно.

В добрый час, г. Кричевский! Лучше поздно, чем никогда! Один только совет дадим мы вам по этому поводу: если вы, действительно, решились перебежать с правого фланга на левый, то не мешало бы в новой позиции сохранить больше беспристрастия, чем вы проявили на прежней. Было бы очень нехорошо, если б, отрезвившись от упоения жоресизмом, вы стали так же оплевывать своих прежних союзников, как это делали прежде с революцион-

ными социалистами. Короче: в своих русских и немецких корреспонденциях говорите одну правду и избегайте вдаваться в «философию», из которой, кроме срама, до сих пор ничего не выходило.

Самой собой разумеется, что, как испытанный оппортунист, г-н Кричевский при новом «историческом повороте» прежде всего старается замести свои следы. Поэтому в том же № 11—12 «Рабочего Дела», где помещена его статья в новом духе, русским читателям рассказывается о полемике «Vorwärts» с «Зарей» и с удовольствием выписываются похвалы, которые «Vorwärts» расточал Кричевскому за его статьи прежнего времени и брань, которою он осыпал сотрудника «Зари».

«Рабочему Делу» пришлось по душе даже те резкости, которыми «Vorwärts» ответил на дружеское письмо Каутского. В заключение «Рабочее Дело» сообщает, что от изложения дальнейшей полемики по этому поводу оно избавит своих читателей. Ну, еще бы! Знает кошка, чье мясо съела! Не помещать же «Рабочему Делу» те цитаты из неизвестных русскому читателю статей Кричевского, в которых он ясно вырисовывается как верный защитник не только Мильерана, но и Вальдека Руссо и даже — увы! — убийцы коммунаров — Галлифе!

Мы получили следующее письмо:

«В примечании к корреспонденции из Перми (№ 14) редакция высказывается в том смысле, что выговор корреспондента „Пермскому Краю“ следовало бы направить по адресу участников собрания, которые, будто бы, из боязни выговора отрицали свое участие в собрании. Нам известно, что присутствующие на собрании не отрицали своего участия в этом собрании, а отрицали только факт собрания в библиотеке специально для обсуждения статьи „Гражданина“.

«Поступали они так не из трусости, а не желая навлечь еще большие репрессии на бесплатную библиотеку.

«Просим редакцию внести поправку в этом смысле.

«Группа участников собрания».

С удовольствием отмечаем, что с участников собрания снимается этим тень, которая могла падать на них по первому сообщению.

Приводим полностью два следующие, доставленные нам одновременно, заявления:

(А). «Скоро исполнится год существования „Искры“. Мы, невольные поселенцы одной из не столь отдаленных губерний, пользуемся этим случаем, чтобы выразить свое горячее сочувствие „Искре“ и тому делу, которому она служит.

«Появление „Искры“ совпало с эпохой перелома в русской социал-демократии. 17 лет тому назад только-что зарождавшаяся социал-демократия устами нашего товарища Плеханова признала свою преемственность с партией „Нар. Воли“, признала, что для нас, социал-демократов, остается так же, как и для „Народной Воли“, ближайшей задачей свержение абсолютизма. Мы должны идти другим путем к осуществлению этой задачи. Но самая задача остается той же, и за партией „Нар. Воли“ остается бессмертная заслуга, что она выдвинула на первый план борьбу с самодержавием. К сожалению, то завещание, которое оставила нам умирающая „Нар. Воля“, было скоро забыто частью соц.-демократов. Сначала деятельность соц.-дем. носила кружковой характер. Она состояла в организации наиболее выдающихся рабочих. Но подобная деятельность не могла долго удовлетворять; от кружков отдельных выдающихся рабочих нужно было перейти к рабочей массе. Для того, чтобы привлечь ее к социалистическому делу, необходимо было сперва известным образом приспособиться к ней, необходимо было отпавляться, прежде всего, от ее повседневных интересов. Но, как часто бывает, средства для осуществления известной цели заслонили для значительной части соц.-демократов самую цель. Известным образом приспособляться к рабочей массе необходимо было только для того, чтобы найти точку приложения для социалистического воздействия, для политической пропаганды. Но скоро приспособ-

ление для многих из средства превратилось в цель, оно само стало руководящим принципом деятельности. Появилось так наз. „экономическое направление“.

«Всегда и везде из борющейся массы выдвигаются более сознательные и более выдающиеся личности, которые идут впереди массы, освещают ей путь, и исторические задачи известного класса выдвигают задолго до того, когда эти задачи делаются достоянием большинства. Всегда борьба идет от отдельных личностей к меньшинству с тем, чтобы охватить, в конце концов, большинство. Вместо этого естественного пути развития представители так называемого экономического направления рекомендовали рабское прислужничество большинству. Вместо того, чтобы возвышать до себя большинство, они предпочитали сами принижаться до большинства; они находили возможным выдвигать только те задачи, которые назрели уже в сознании большинства. Как будто бы самый процесс назревания этих задач не состоял всегда и везде в систематическом воздействии меньшинства на большинство, воздействию, которое сегодня, завтра может давать неудачи, но такие неудачи, которые родят успех! Эта проповедь рабского подделывания под настроение большинства рядом с печальной памятью „Рабочей Мыслью“ была выдвинута также, хотя и в значительно более ослабленном виде, „Рабочим Делом“. Рабочее движение разлагалось на стадии, и в каждой из подготовительных стадий этого движения социалистической интеллигенции и более выдающимся рабочим предлагалось скрывать от массы большую или меньшую часть своих убеждений в зависимости от того, созрело или не созрело для этих убеждений большинство.

«Но не даром жили и умирали деятели „Народной Воли“. Их завещание не пропало даром. Не удалось появиться и оформиться „экономическое“ направление, как оно начало встречать повсюду протесты и оппозицию со стороны более сознательных слоев соц.-демократии. В ответ на проповедь „экономистов“ начал раздаваться из среды социал-демократии совершенно противоположный призыв, — борьба, немедленная и непримиримая борьба с давящим нас полицейским режимом. Не ждате, пока масса проникнется этим настроением, а стараться всеми силами вызвать у нее это настроение. Нашими могучими союзниками являются те нестерпимые условия, в которых задыхается эта масса. Эти условия могут быть существенно изменены только с падением самодержавия. Масса, говорите вы, еще не вполне созрела это, так пробудите же в ней это сознание, укажите ей, кто ее враг, пользуйтесь для этого всяким сколько-нибудь подходящим поводом, — ведь этих поводов так много дает сама жизнь. И не смущайтесь тем, что в некоторых случаях и в некоторых местностях ваша проповедь не найдет достаточного отклика или даже встретит сопротивление. Не заключайте легкомысленно из этого, что рабочее движение находится на той стадии развития, когда неуместны разговоры о борьбе с самодержавием. Проповедь известных взглядов западает в душу человека не только тогда, когда он проникается этими взглядами, она пускает у него глубокие корни обыкновенно еще тогда, когда он оказывает им упорное сопротивление. И какой-нибудь новый яркий факт жизни, с которым столкнется этот человек, будет достаточен для того, чтобы он из горячего противника вашей проповеди превратился в ее горячего сторонника.

«За это направление в соц.-демократии говорила сама жизнь; оно отвечало ее назревшим потребностям и оно оттеснило поэтому на задний план представителей так назыв. „экономического направления“ прежде, чем те успели ответить на все возражения, которые на них сыпались. Наиболее ярким и талантливым выразителем этого направления в соц.-демократии является теперь „Искра“ вместе с „Зарей“, и мы, сторонники этого направления, пользуемся поэтому случаем, чтобы выразить свое горячее сочувствие той энергичной борьбе, которую „Искра“ ведет около года и в которой она, встречая много друзей, встречает не мало врагов. При этом, в виду различных инсинуаций, к которым начинают прибегать враги „Искры“, мы считаем излишним добавлять, что мы ставим в особую заслугу „Искре“, что она смотрит широко на задачи социалистического движения в России, что она не только не предлагает ра-

бочему пролетариату замкнуться в узкие рамки чисто рабочих интересов, но предлагает ему примыкать ко всякого рода протестам против политики произвола и насилия, откуда бы эти протесты ни исходили, и в своей борьбе с самодержавием искать себе союзников везде, где их можно найти.

«Многое остается, конечно, невыясненным в этой позиции „Искры“. Кто является наиболее естественным союзником рабочего пролетариата в его борьбе с самодержавием? В какое отношение рабочий пролетариат должен встать с разоряющимся и голодающим крестьянством? Эти вопросы „Искра“ только наметила, но не дала на них ответа. Было бы странно, конечно, посылать „Искре“ упрек, что она, выпустивши только несколько номеров, не дала исчерпывающего ответа на все вопросы, назревшие в русской жизни. Единственно, что мы находим себе возможным позволить, — это выразить пожелание, чтобы „Искра“ отвела возможно больше места вопросу об отношении нашем к крестьянству и в виду сложности и запутанности этого вопроса дала бы возможность на своих страницах высказаться по этому вопросу представителям различных взглядов в соц.-демократии. Но вообще говоря, мы считаем более уместным в настоящий момент останавливаться не на том, чего „Искра“ еще не сделала, а на том, что она уже сделала, и, в виду предстоящего годового юбилея „Искры“, мы шлем „Искре“ с далекого севера, куда нас забросила судьба, свой горячий привет и пожелание смело и неуклонно идти по тому пути, по которому она шла до сих пор, не смущаясь ни злостным шипением врагов, ни инсинуациями, откуда бы они ни исходили».

(Б). «По поводу посылки адреса „Искре“, Общее собрание * * * колонии единогласно постановило не принимать в нем участия по следующим соображениям:

«1) Мы не имеем достаточно материала для объективной оценки заслуг этого органа; первые же номера (1, 2, 3, 4 и 7), с которыми мы знакомы, производят такое впечатление, что прежние вопросы трактуются там поверхностно, а новый вопрос о своевременности привлечения крестьян к революции ставится на слишком широкую почву, а № 7 даже дискредитируется указанием на местные возмущения крестьян из-за земельных споров, как на признаки общего недовольства крестьян современным строем.

«2) Послать адрес только „Искре“ это значило бы выразить косвенное порицание „Рабочему Делу“.

«3) Меньшинство мотивирует свое отрицательное отношение к адресу тем, что чествование революционных органов печати самими революционерами не должно иметь места, так как оно равносильно самовосхвалению».

Только что появилось в свет: «ЧТО ДЕЛАТЬ» (Наболевшие вопросы нашего движения) Н. Ленина. (Verlag J. H. W. Dietz, Stuttgart.)

Оглавление: Предисловие. I. Догматизм и «свобода критики»: а) Что значит «свобода критики»?; б) Новые защитники «свободы критики»; в) Критика в России; г) Энгельс о значении теоретической борьбы. II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии: а) Начало стихийного подъема; б) Преклонение перед стихийностью. «Рабочая Мысль»; в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее Дело». III. Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика: а) Политическая агитация и ее сужение экономистами; б) Повесть о том, как Мартынов углубил Плеханова; в) Политические обличения и «воспитание революционной активности»; г) Что общего между экономизмом и терроризмом?; д) Рабочий класс как передовой борец за демократию; е) Еще раз «клеветники», еще раз «мистификаторы». IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров: а) Что такое кустарничество?; б) Кустарничество и экономизм; в) Организация рабочих и организация революционеров; г) Размах организационной работы; д) «Заговорщическая» организация и «демократизм»; е) Местная и общерусская работа. V. «План» общерусской политической газеты; а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»; б) Может ли газета быть коллективным организатором?; в) Какого типа организация нам нужна? Заключение. Приложение: Попытка объединения «Искры» с «Рабочим Делом». Стр. 144. Цена 1 руб.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. Громадные аресты произведены с 6-го по 9 февраля. Взяты: студенты универс. Таскин, Райков, Воскресенский, Лукьянов, Добровольский, Алексей Иванов (все — старосты), Соколов, Сватиков, Ветров, Горбунов, Шехтер, Плеханов, Лесневский, Апполонов, Евлахов, Логинов, Соболев; технологи — Бебелин, Богатырев, Вознесенский, Вдовский, Гробовский, Замаев, Красноухов, Классен, Кирпичников, Погосов, Трубо, Шульгин, Рыжков, Новаченко, Трифонов, Шефранов, Норкин, Лебединский: медики — Цехановский, Свешников, Петровский, Бочкарев, Ракидин; студ. инст. гражд. инженер. Горенберг, инженер. техн. Аносов, г-жи Гуро, Радченко, Фортунатова, технолог Овечкин и др.

18 февраля аресты повторились.

Москва. В ночь на 8 февраля множество арестов. Л. Никифоров, Давыдов, Скворцов, Руднев и Покровский после 4-месячн. заключения сосланы в охранном порядке в Сибирь на 3 года.

В Киеве сидят: Гальперин Лев интелл., Крохмаль Виктор интелл., Гуковский врач, Рыбаков студ.-медик, Непомнящий (скрывает фамилию), Каневец петерб. студ., Каневец Ал. интелл., Голицинский студ., Харченко интелл. (привезен из Харькова), Корженевский раб., Нетесин раб., Селюк интел-а, Домбровская.

В Лукьяновской тюрьме Красный Крест насчитывает 110 человек, кроме тех, что сидят в арест. ротах.

Студент Вольский, избитый на демонстрации, пробыл в больнице около двух дней, уехал домой. Теперь тут сидит в тюрьме, обвиняется (голословно) в нанесении ударов палкой по голове пристава Закусилова, когда тот отнимал зная.

По слухам, будут судить сурово.

Смоленск. Арестованы рабочие Журавлев (из Москвы), Виноградов (из Петерб.) и Трифонов (из Петерб.) — все поднадзорные и интеллигент Каган.

Нижний-Новгород. В ночь с 16-го на 17 февраля взяты: студенты: Лукосеев, Сесин, 2 брата Маркович, Корсак, Затинщиков, Рюриков; курсистки — О. Кольберг, С. Доброхотова, Синева; бывш. гимназист Свердлов (3-й раз), бывш. реалист Гурвич, бывш. гимназистка Соколова (2-й раз), учительница Покровская, фельдшерница Второва, служащ. в Городской управе Пушкарев, столяр Бронин, столяр Комолов, слесарь Санаев.

Ярославль. После распространения прокламации о введении усиленной охраны арестовано 20 рабочих.

Одесса. 8 февраля арестовано несколько сот человек.

Баку. В начале января арестована Гинзбург.

Ростов-на-Дону. Около 19 февраля арестованы Самойлов и другие.

В Двинске большой провал в феврале.

В Вильне арестовано 6 офицеров.

Кишинев. 8 февраля арестованы: бывшие ссыльные: г-жа Розенблюм и Капцан, г-жа Коган-Эстрин, акушерка Барг (в 3 раз), Батушанский (дантис), Бельский (приказчик), Годлевский (учитель) с женой, Берг (рабочий), Арон (рабочий), Бронтман (60-летн. старик) и еще несколько человек. Масса обысков.

Иваново-Вознесенск. По делу о майских листах 1900 г. приговорены: Владим. Носков, бывший студ.-технолог — 4 г. Вост. Сибири, Владимир Бубнов — 3 г. Вятской губ., чиновн. Государств. Банка Постников (оговаривал) — 3 г. Вятск. губ., Володина (рецидивистка) —

6 мес. тюремного заключения, рабочие Жаров и Гаравин (предатели) — по 1 году тюремн. заключения; рабочие Киселев, Кирыкин, Маслов, Доброхотов, Корнилов, Дворов, Макаров, Полянин, Королев — по 6 мес.; Звездин, Воронина, Блинов — по 4 мес.; Соковин и Гарелин — по 3 мес. Всего по делу привлекалось 35 человек, приговоры остальных неизвестны.

Иваново-Вознесенск. Распространенный комитетом листок по поводу объявления приговора товарищам, привлеченным по делу 1900 г., взбесил жанд. ротмистра, и он произвел в январе 70 обысков, арестовал 30 рабочих, но ничего не добился.

Кохма, Шуйск. у., Влад. губ. В январе арестовано 8 рабочих, ставших жертвой провокатора-лавочника Черкасова, который сам организовал кассу и был в ней кассиром.

Полтава. 8 февраля арестованы: студенты — Алексеев, Баумштейн, Берлин, Васильевский, Гомеля, Иванецкий, Покатилов, Руссов, Рывлин, Шехтер, Эдиге (все — поднадзорные); акушерки: Шамраевская, Шатуновская, Гутман; бывш. курсистки: Карчевская, Коршунова, Завойко, Педашенко; врач Е. Левин; кончивш. университет. Войткевич, служащ. в управе Геденовская; поднадзорные: Гуревич, Гак, Иваницкая, Казарновская, Кацевалова, Панфилов, Столпнер, Шепелева, Шехтман; чертежник Хан; жена врача Трутовская; Мария Сыцяно, бывш. офицер Сухотский, служ. в управе В. М. Чернов, сестра милосердия Цыплакова; рабочие Сонкин, Финкельштейн, Конон-Рыжий, Рудин, Ломашев; бернская курсистка Лондер; работница Даргольц; техник Морозов; 18 февраля взят рабочий Петров.

Из Архангельска бежали сосланные сюда рабочие Семенуа и Коротков, привлекавшиеся по Ярославскому делу (января 1901 г.) с А. П. Доливо-Добровольским.

Тифлис. В ночь на 17 февраля арестовано около 30 чел., в том числе человек 15 — рабочие. Аресты вызваны слухами о готовящейся на 19 февраля демонстрации. Арестованы: Коркашвили, Сим. и Севериан Джугели, Караджев, Капанадзе, Климиев, Мегрелидзе, Лежава, Гогуа, Биланов, Чхеидзе, Чодришвили, Окуашвили, Аракел и др.

Кутаис. В начале февраля в мужской гимназии у нескольких гимназистов были обыски.

Елисаветград. 15—18 февраля взяты д-р Социнд, Басист и г-жа Худиш (оба последние выпущены), рабочий Янкевич и еще несколько лиц.

В Орлове, Вятской губ., окончила жизнь самоубийством Кл. Ник. Приходькова, сосланная на 4 года по соц. дем. делу 1897 г. в Петербурге.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

От сибиряков 200 руб.

Спб. представителем получено: от читателей 14 руб. 50 к., за литерат. 5 р., от Спб. Комитета за литературу 400 р., от читателей из Харькова 5 р., всего 424 р. 50 к.

Из Цюриха 53 марки; из Берна через Рудникова 164,70 фр., в том числе из консума Б. К. Ф. 52,70 фр., и с бала

42 фр., от Женевской группы 32 фр., в пользу обуховцев 12 шилл., от «Свободы» 90,50 фр., из Лозанны через члена Лиги 30 фр., от Н. Б. 40 фр. и старый долг 19 фр., за литературу Кольцовым получено 192,60 фр. Через Плеханова от сибирячки 10 фр. Из Брюсселя 33 фр.

Ъ — Корреспонденция к этому номеру опоздала, будет помещена в следующем.

Федорову. Корреспонденция получена, ждем письма.

Товарищу, писавшему «за старичка». Пришлите скорее адреса для писем и для явки.

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа «Борьба»? Мы знали из нее несколько сотрудников «Зари» (две статьи) и «Искры» (3 корреспонденции, 2 статьи и 1 заметка). Несколько присланных ими статей не было помещено. Теперь они выступили с печатным «объявлением», жалуясь на наш «недемократизм» и ратуя даже... против *Personen-cultus*! Как опытный человек, вы уже из одного этого, бесподобного и несравненного, словечка поймете, в чем тут суть. А когда «Борьба» напечатает свою статью против «С чего начать», о непринятии которой они тоже говорят в объявлении, — тогда и совсем неопытные в партийных делах товарищи поймут, почему мы не встретили этих сотрудников с распростертыми объятиями.

На счет «демократизма» см. «Что делать?», IV, д: сказанное там о «Рабочем Деле» относится и к «Борьбе».

Иваново-вознесенцам. В вашей корреспонденции сообщаются сведения, уже помещавшиеся в разных изданиях. Просим продолжать присылать.

Подольнину. Сообщите ваш адрес — мы его не имеем; вероятно, затерялось письмо.

Другу Тани на Севере. Повторите адрес для писем и пишите аккуратнее.

Отцу Нины. Письмо получено. Дайте адрес для писем, старый не годится.

В марте месяце мы выпускаем, вследствие некоторых непредвиденных обстоятельств, только один номер «Искры». Следующий номер надеемся выпустить к 1 апреля.

Вышло иллюстрированное приложение к № 18 «Искры» — по поводу речи Николая II к представителям корпуса жандармов.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Речь идет об известной секретной записке Витте, в которой он доказывал, что самодержавие несовместимо с земством, что земство конституционно по своему существу, и что поэтому надо строго ограничить рамки его деятельности. Эта записка была издана за границей и отпечатана в типографии «Заря» с предисловием Струве, скрывшегося под инициалами Р. Н. С. (см. Собр. соч. Н. Ленина, т. V, стр. 32—69).

Прим. 2. «Богдыхан Сергей» — здесь имеется в виду московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, дядя Николая II. По постановлению боевой организации партии с.-р. в 1905 г. был убит Каляевым.

Прим. 3. Бебель, Август (1840—1912) — один из основателей и вождей Германской Соц.-Дем. Партии, рабочий, токарь по профессии. Был бессменным членом рейхстага с 1864 года, член I Интернационала и один из вождей II Интернационала. Во время франко-прусской войны Б., вместе с Либкнехтом, воздержался от голосования военного займа, а после провозглашения во Франции в 1870 г. республики голосовал против военных кредитов и протестовал против отторжения Германией от Франции провинций Эльзаса и Лотарингии. Неоднократно сидел в тюрьме. Бебель боролся, как в международном рабочем движении, так и в Германии, против оппортунизма, но, стремясь во что бы то ни стало сохранить единство германской соц.-дем., он часто отмежевывался от революционного крыла партии, руководимого Р. Люксембург и Мерингом. Б. был автором ряда книг и статей («Женщина и социализм», мемуары «Из моей жизни» и пр.).

Прим. 4. Жорес, Жан-Леон (1859—1914) — французский социалист, крупнейший оратор. Начав свою политическую деятельность в качестве депутата парламента в 1885 г., примкнув тогда к левому крылу республиканцев, впоследствии он подвинулся все более влево и в 90-х годах примкнул к социалистам правого крыла. С 1902 г. депутат палаты от Французской Соц. Партии и вождь ее парламентской фракции. В 1904 г. Ж. основал социалистическую газету «Humanité», ставшую центральным органом соц. партии. Во время Дрейфуса, невинно осужденного под давлением антисемитских и милитаристских кругов, якобы за «измену», выступил на его защиту вместе с Золя и добился пересмотра дела Дрейфуса и его освобождения. Эклектик по своему мирозерцанию, не обладая марксистским методом мышления, Ж. проводил оппортунистическую тактику и в начале 900-х годов стоял за участие социалистов в буржуазном правительстве, в частности защищая вхождение социалиста Мильерана в министерство Вальдека Руссо. Под конец жизни он вел энергичную антимилитаристскую пропаганду, не доведя ее до призыва к гражданской войне против своего правительства в случае войны. Был убит за антимилитаристские выступления накануне империалистической войны, 31/VII 1914 г., агентом шовинистов.

Прим. 5. Гедисты — сторонники Жюль Гед.

Жюль Гед (1845—1922) — один из основателей Французской Рабочей Партии, вождь революционного марксистского крыла французских социалистов, вел непримиримую борьбу с реформистами. В начале 900-х годов он резко нападал на жоресистов, стоявших за участие социалистов в буржуазном правительстве. Однако, во время империалистической войны Гед перешел в лагерь социал-патриотов и сам вошел в буржуазное «правительство обороны» в качестве министра без портфеля.

Прим. 6. Бланкисты — последователи Огюста Бланки, борющиеся в начале 900-х годов против участия социалистов в буржуазном правительстве.

Огюст Бланки (1805—1881 г.) — французский социалист, организатор и участник многочисленных революционных выступлений во Франции, прозванный «Вечным Инсургентом» (повстанцем). Он провел около 37 лет своей жизни в тюрьмах и был дважды приговорен к смертной казни. Во время революции 1870—71 г. он был арестован незадолго до провозглашения Коммуны и просидел в тюрьме до 1879 г., когда, уже будучи глубоким стариком, он был амнистирован под давлением парижского пролетариата. Он умер в 1881 г., проведя последние месяцы своей жизни в неустанной агитации за дело социализма.

Под именем «бланкизма» подразумевают заговорщическую тактику, сторонники которой надеются достигнуть победы революции путем захвата власти небольшой группой революционеров-заговорщиков, не опирающихся на широкие массы. История доказала неправильность этой тактики, но память о Бланки, этом стойком революционере, чуждом соглашательства и колебаний, всегда останется дорогой пролетариату. (См. Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. II, стр. 136).

Прим. 7. Мильеран, Александр (род. в 1859 г.) — бывший французский социалист, а после мировой войны — президент Французской республики и один из вождей реакционной французской буржуазии, заклятый враг СССР. В 1899 г. вошел в буржуазное министерство Вальдека Руссо и своим званием социалиста прикрывал расстрелы рабочих.

После горячих прений в рядах социалистов это вхождение в буржуазное министерство было осуждено в 1903 г. II Интернационалом, и в 1904 г. М. был исключен из рядов Французской Социалистической Партии.

Прим. 8. Б. Кричевский — См. № 15, «Искры» прим. 5-е.

Прим. 9. Ignotus (лат. «Неизвестный») — псевдоним Ю. Цедербаума-Мартова.

Прим. 10. Парвус-Гельфанд, А. Л. — русский эмигрант в Германии, в 90-х годах выдвинулся как один из блестящих публицистов левого крыла германской социал-демократии, сотрудничал в «Искре» и «Заре». В 1905 г. вернулся в Россию, вместе с Троцким принимал ближайшее участие в популярной газетке «Русская Газета», и входил в редакцию меньшевистской газеты «Начало», отстаивая идею «перманентной революции». Арестованный по делу второго Совета Рабочих Депутатов в Петербурге и сосланный в Сибирь, Парвус бежал снова за границу, жил в Турции, где наряду с литературной работой занялся коммерческой деятельностью. Во время мировой войны отошел от социализма и всецело поддерживал политику Вильгельма II. Умер в 1925 г.

Прим. 11. Цеткин, Клара — немецкая коммунистка, род. в 1856 г. Вступила в Германскую Соц.-Дем. Партию в тяжелые для нее годы подпольного существования, во время действия так наз. «исключительного закона против социалистов», проведенного германским правительством в 1872 г. и отмененного лишь в 1890 г. Цеткин примыкала к левому крылу партии и была решительной противницей ревизионизма и оппортунизма, с которыми она вела неустанную борьбу бок-о-бок с Ф. Мерингом, Розой Люксембург и К. Либкнехтом. Особенно много внимания и сил уделяла она организации революционного социалистического движения среди женщин-работниц, энергично борясь против влияния буржуазного феминизма на женскую часть пролетариата, и редактировала с.-д. газету «Равенство». Во время мировой войны она повела борьбу с социал-патриотизмом. В апреле 1915 г. она организовала в Берне женскую конференцию, которая сыграла большую роль в деле распространения интернационалистских идей во время войны. После возникновения коммунистического союза «Спартак» она примкнула к нему и вместе со спартаковцами вошла в германскую объединенную коммунистическую партию, будучи избрана в члены Ц. К. этой партии.

На третьем конгрессе Коммунистического Интернационала Цеткин была выбрана в Исполком Коминтерна, членом которого она состоит и до сих пор, являясь одной из главных руководительниц международного женского коммунистического движения и одним из вождей международного пролетариата.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ „ИСКРѢ“ № 18

ГАЗЕТНОЕ ИЗВЕСТИЕ:

6 Декабря Всероссийскому Деспоту благоугодно было обратиться к представителям корпуса жандармов с нижеследующими Высокомиловитыми и знаменательными словами:

„Очень рад вас видеть, господа. Надеюсь, что связь, установившаяся сегодня между Мною и корпусом жандармов, будет крепнуть с каждым годом“.